

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ

ВУДЖАУС

ВАША ВЗЯЛА, ДЖИВС!

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Дживс и Вустер

Пелам Гренвилл Вудхаус

Ваша взяла, Дживс!

«Издательство АСТ»

1934

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Вудхаус П.

Ваша взяла, Дживс! / П. Вудхаус — «Издательство АСТ»,
1934 — (Дживс и Вустер)

ISBN 978-5-17-099686-5

Между неразлучными Бертрамом Вустером и Дживсом пробежала черная кошка, а точнее – белый клубный пиджак с золотыми пуговицами, ставший причиной размолвки и тайного соперничества юного джентльмена и его слуги. Уязвленный Берти стремится доказать всем, что он куда изобретательнее и умнее прославленного Дживса, а потому берется примирить рассорившихся влюбленных и устроить судьбу школьного друга... Кто же одержит победу в этом нешуточном противостоянии гигантов мысли? В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-099686-5

© Вудхаус П., 1934
© Издательство АСТ, 1934

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Пелам Гренвилл Вудхаус

Ваша взяла, Дживс!

Глава 1

- Дживс, – сказал я, – могу я говорить откровенно?
- Вне всякого сомнения, сэр.
- Боюсь, то, что я скажу, будет вам неприятно.
- Ничуть, сэр.
- Видите ли...

Хотя нет, постойте. Минуту терпения. Я начал не с того конца.

Не знаю, как вы, а я вечно ломаю себе голову, с чего начать рассказ. Чертовски трудная для меня задача. Тут ни в коем случае нельзя оплошать. Один неверный шаг, и все пропало. Если вы, ради того чтобы создать настроение, подходящую атмосферу и прочий вздор, слишком затянете со вступлением, то слушатели разбредутся.

С другой стороны, если рвануть с места в карьер, публика растеряется и не сможет взять в толк, о чем речь.

Начав излагать эту весьма запутанную историю, где замешаны Гасси Финк-Ноттл, Мадлен Бассет, кузина Анджела, тетушка Далия, дядя Томас, Таппи Глоссоп и повар Анатолий, с вышеприведенного диалога, я впал во вторую крайность.

Придется себя осадить. Взяв во внимание только главное и не отвлекаясь на мелочи, скажу, что, пожалуй, история эта началась с поездки в Канны. Не отправься я в Канны, не встретил бы мне эту самую Бассет и не купил белый клубный пиджак, Анджеле в глаза бы не видеть акулы, а тетушке Далии не пуститься играть в баккара.

Да, вне всяких сомнений, Канны – point d'arrui¹.

Ну вот, теперь полный порядок. Приступаю к рассказу.

Итак, в начале июня я устремился в Канны без Дживса – он намекнул, что не хотел бы пропустить скачки в Аскоте. Вместе со мной поехали тетушка Далия и ее дочь Анджела. Таппи Глоссоп, с которым Анджела была помолвлена, тоже хотел ехать с нами, но в последний момент что-то его задержало в Лондоне. Дядюшка Том, муж тети Далии, остался дома: его на юг Франции калачом не заманишь.

Это завязка: в начале июня мы отбываем в Канны в следующем составе – тетушка Далия, кузина Анджела и ваш покорный слуга.

Вроде бы пока все ясно, правда?

Мы пробыли на Ривьере около двух месяцев, и, если не считать того, что тетушка Далия в пух и прах проигралась в баккара, а кузину Анжелу – она каталась на акваплане – едва не проглотила акула, мы, можно сказать, прекрасно провели время.

Двадцать пятого июля, полный сил и бронзовый от загара, в обществе тети Далии и ее чада я отправился в Лондон. Двадцать шестого в семь вечера мы вышли из поезда на вокзале «Виктория». А примерно в семь двадцать обменялись любезностями и распрощались – они уселись в автомобиль и укатили в Бринкли-Корт, тетушкино Вустерширское поместье, куда через день-другой должен был явиться Таппи, а я поехал к себе оставить багаж, привести себя в порядок, переодеться к обеду и ринуться в «Трутни».

¹ Отправной пункт (*фр.*).

Когда я промокал торс полотенцем после столь необходимого и обязательного омовения и болтал о том о сем с Дживсом, вновь входя в привычный круг столичных новостей, в разговоре вдруг всплыло имя Гасси Финк-Ноттла.

Если память мне не изменяет, у нас состоялся приблизительно такой диалог.

Я: Ну, такие вот дела, Дживс.

ДЖИВС: Да, сэр.

Я: В том смысле, что наконец-то я дома.

ДЖИВС: Безусловно, сэр.

Я: Кажется, сто лет прошло.

ДЖИВС: Да, сэр.

Я: Приятно провели время в Аскоте?

Дживс: В высшей степени приятно, сэр.

Я: Что-нибудь выиграли?

ДЖИВС: Вполне удовлетворительную сумму, благодарю вас, сэр.

Я: Рад за вас. Ну, Дживс, что новенького? Кто-нибудь мне звонил? Или, может, заходил?

ДЖИВС: Довольно часто заходил мистер Финк-Ноттл, сэр.

Я вытаращил глаза. Не будет преувеличением сказать, что я даже разинул рот.

– Мистер Финк-Ноттл?

– Да, сэр.

– Вы имеете в виду мистера Финк-Ноттла?

– Да, сэр.

– Разве мистер Финк-Ноттл в Лондоне?

– Да, сэр.

– Провалиться мне на этом месте!

Сейчас объясню, почему я так удивился. Вообще-то я просто ушам своим не верил. Видите ли, Финк-Ноттл – один из тех чудаков, кто не выносит Лондона, подобные экземпляры нет-нет да и попадаются вам на жизненном пути. Если Финк-Ноттл проводит в Лондоне год, то потом на год забирается в глушь, в свое имение где-то в Линкольншире, обрастает мхом и не является даже на традиционные спортивные соревнования между Итоном и Хэрроу. Однажды я его спросил, не тоскливо ли ему в этакой-то глуши, а он говорит: ничуть, ведь у меня в саду есть пруд, я наблюдаю за тритонами и изучаю их повадки.

Я не представлял себе, чего ради Гасси вдруг прикатил в Лондон. Готов был поспорить, что пока тритоны у него в пруду не вымрут все до последнего, никакая сила не заставит его покинуть милый его сердцу медвежий угол.

– Дживс, вы уверены?

– Да, сэр.

– Может быть, вы что-то перепутали? Точно Финк-Ноттл?

– Да, сэр.

– Совершенно невероятный случай! Ведь он уже лет пять не был в Лондоне. Как известно, здесь он не в своей тарелке. Все время торчит у себя в деревне в обществе тритонов.

– Прошу прощения, сэр?

– Да, представьте себе, Дживс, именно тритонов. Видите ли, мистер Финк-Ноттл помещан на тритонах. Вы, должно быть, слышали о тритонах. Это такие маленькие ящерицы, они водятся в прудах.

– Как же, как же, сэр. Водоплавающая разновидность семейства саламандровых, биологический подвид Molde.

– Вот именно. Понимаете, Гасси с детства души в них не чает. Он и в школе всегда с ними возился.

– Думаю, среди юных джентльменов, сэр, подобные увлечения не редкость.

– Он держал их у себя в комнате в большой стеклянной банке. Довольно противное зрелище. Уже тогда было ясно, чем все это кончится, но вы ведь знаете, Дживс, что такое мальчишки. В голове ветер, на все плевать, заняты только собой. Мы и значения не придавали тихому помешательству Гасси. Так иногда кто-нибудь походя бросит, что на свете еще и не такое увидишь, вот и все. Можете себе представить последствия. Дурь все больше и больше захватывала Гасси.

– В самом деле, сэр?

– Увы, Дживс. Он совсем спятил. Им овладела тритономания. А когда стал взрослым, забился в глушь и посвятил жизнь этим дурацким тварям. Наверное, поначалу думал, что если захочет, может в любую минуту их бросить. Но не тут-то было – слишком поздно.

– Явление довольно распространенное, сэр.

– Совершенно верно, Дживс. Словом, последние пять лет он безвылазно живет в своем Линкольнширском поместье, отшельник отшельником, людей избегает, через день меняет воду своим тритонам и видеть никого не желает. Вот почему я так удивился, когда услышал от вас, что Гасси вдруг всплыл на поверхность. Просто не верится. Может быть, все-таки вышла ошибка, может быть, приходил какой-то другой Финк-Ноттл? Гасси носит очки в роговой оправе, лицо как у рыбины. Ну что, сходится?

– Джентльмен, который сюда приходил, носит очки в роговой оправе, сэр.

– И похож на экспонат рыбного прилавка?

– Кажется, в его лице действительно можно усмотреть нечто рыбье, сэр.

– Значит, это Гасси. Но черт побери, чего ради его занесло в Лондон?

– Вероятно, я мог бы объяснить, сэр. Мистер Финк-Ноттл посвятил меня в причины, побудившие его посетить столицу. Он приехал сюда из-за молодой леди.

– Из-за молодой леди?

– Да, сэр.

– Уж не думаете ли вы, что он влюбился?

– Да, сэр.

– Ну, знаете, Дживс, это уж слишком. Чтобы я такому поверил? Да никогда.

Я и в самом деле был ошарашен. То есть шутки шутками, но надо и честь знать!

Однако мое внимание привлекла и другая сторона этого странного дела. Даже если допустить, вопреки всем законам логики и здравого смысла, что Гасси влюблен, почему он повадился ходить именно ко мне? Когда человек влюбляется, ему необходимо дружеское участие, но почему он выбрал в поверенные меня?

Будь мы с ним закадычными друзьями, тогда другое дело. Конечно, когда-то мы виделись довольно часто, но за последние два года он не удосужился прислать мне ни одной открытки.

Я изложил свои соображения Дживсу.

– Странно, что он зачастил ко мне. Впрочем, чего не бывает, приходил и приходил. Дело не в этом. Должно быть, бедняга огорчился, узнав, что я в отъезде.

– Нет, сэр. Мистер Финк-Ноттл приходил не к вам.

– Полно, Дживс! Вы только что сказали, что он ко мне приходил, и не один раз.

– Мистер Финк-Ноттл желал побеседовать со мной, сэр.

– С вами? Я не знал, что вы знакомы.

– Я познакомился с мистером Финк-Ноттлом, когда он пришел сюда, сэр. До этого момента я не имел удовольствия его знать. Оказывается, мистер Сипперли, университетский товарищ мистера Финк-Ноттла, порекомендовал мистеру Финк-Ноттлу посвятить в свои дела меня.

Тайна раскрылась. Я все понял. Надеюсь, вы помните, что среди моих друзей за Дживсом давно установилась репутация непревзойденного мастера по части мудрых советов. Если кто-то из нас попадал в передрагу, то первым делом бежал к Дживсу и выкладывал ему свои заботы. Стоило Дживсу вытащить из беды мистера А, как тот отправлял к нему мистера В. Спасенный мистер В посылал к Дживсу мистера С. Ну и пошло, и поехало.

Думаю, подобным же образом сделали себе карьеру все крупные консультанты. Старина Сиппи, я знаю, был потрясен тем, как ловко Дживс устроил его помолвку с Элизабет Мун. Ничего странного, что Сиппи посоветовал Гасси обратиться за помощью к Дживсу. По протренированной, так сказать, дорожке.

– А, значит, вы ему помогаете?

– Да, сэра.

– Понял. Теперь мне все ясно. А что стряслось с Гасси?

– Как ни странно, сэра, но в точности то же самое, что с мистером Сипперли, которому я имел удовольствие оказать помощь. Вы, безусловно, помните, в чем заключались затруднения мистера Сипперли, сэра. Испытывая глубокую привязанность к мисс Мун, он страдал от неуверенности в себе и потому не мог с ней объясниться.

Я кивнул:

– Как же, помню. Отлично помню. У бедняги Сиппи не хватало мужества решиться. Душа уходила в пятки. Помнится, вы тогда сказали, что ему чего-то очень хочется, что... не помню, как дальше. Там еще кошка замешана, если не ошибаюсь.

– И хочется, и колется, сэра.

– Вот-вот. А кошка при чем?

– Как кошка в пословице, сэра.

– Точно. И как это вы все помните, поразительно. Значит, говорите, Гасси тоже трусит?

– Да, сэра. Всякий раз, как он соберется сделать предложение юной леди, мужество его покидает.

– Однако если он желает, чтобы девица стала его женой, ему все-таки придется ей об этом сообщить, как вы считаете? Как-никак, но приличия этого требуют.

– Вне всякого сомнения, сэра.

Я задумался.

– Знаете, Дживс, по-моему, так и должно было случиться. Признаться, я не ожидал, что Финк-Ноттл падет жертвой нежной страсти, но уж коль так вышло, ничего удивительного, что он струсил.

– Да, сэра.

– вспомните, какую жизнь он ведет.

– Да, сэра.

– Думаю, он лет сто ни с одной девушкой не разговаривал. Дживс, какой урок всем нам – нельзя сидеть сиднем у себя в поместье, в глуши, и глазеть на аквариум с тритонами. Эдак никогда не станешь настоящим мужчиной. Одно из двух: или вы сидите с тритонами у себя в глуши, или кружите головы девицам. Таков выбор.

– Да, сэра.

Я снова задумался. Мы с Гасси, как я уже упоминал, вроде бы давно потеряли связь друг с другом, и все равно я искренне сочувствовал бедному тритоману, как, впрочем, и всем моим друзьям, и далеким и близким, кому судьба кидает под ноги банановую кожуру. По-моему, Гасси сейчас был как никто близок к тому, чтобы на этой самой кожуре поскользнуться.

Я стал вспоминать, когда мы с ним виделись последний раз. Кажется, года два назад. Я путешествовал на автомобиле и завернул к нему в поместье. Помнится, он мне вконец испортил аппетит – притащил за стол пару этих зеленых тварей с лапками и кудахтал над ними – ни дать ни взять молодая мамаша со своими малютками. В конце концов один из гадов сбе-

жал от Гасси и нырнул в салат. Признаться, когда эта картина вновь встала у меня перед глазами, я засомневался, что несчастный придурок способен ухаживать за барышней и тем более добиться в этом деле успеха. Особенно если его пленила современная девица, развязная, с накрашенными губами и дерзким насмешливым взглядом.

– Послушайте, Дживс, – сказал я, готовясь узнать, что мои наихудшие предположения оправдываются, – что представляет собой девица?

– Я не имею чести знать молодую леди, сэр. По словам мистера Финк-Нотгла, она чрезвычайно привлекательна.

– Он ведь в нее влюблен, да?

– Да, сэр.

– Не называл ли он ее имени? Возможно, я с ней знаком.

– Это некая мисс Бассет, сэр. Мисс Мадлен Бассет.

– Что?!

– Да, сэр.

У меня от изумления челюсть отвисла.

– Разрази меня гром! Подумать только! Как тесен мир, а?

– Молодая леди вам знакома, сэр?

– Не то слово. Ну, Дживс, камень упал с души. Кажется, положение Гасси не совсем безнадежно.

– Вот как, сэр?

– Уверен. Признаться, пока вы не сообщили мне эту новость, я сильно сомневался, что бедняге Гасси удастся повести к алтарю хоть какую-нибудь заваливающую девицу. Ведь он не из тех, о ком говорят «красавец мужчина», надеюсь, вы не станете со мной спорить?

– Нет, сэр. Ваши слова исполнены тонкой наблюдательности, сэр.

– Клеопатре он вряд ли бы понравился.

– Пожалуй, что так, сэр.

– Сомневаюсь, что он приглянулся бы и Теллуле Банкхед².

– Да, сэр.

– Но когда вы мне сказали, что предмет его страсти мисс Бассет, во мне возродилась надежда. За такого, как он, Мадлен Бассет ухватится с большим удовольствием.

Эта самая Бассет, должен вам сказать, нередко по-приятельски захаживала к нам в гости в Каннах. У них с Анджелой сразу завязалась пылкая дружба – между девицами это принято, – поэтому я виделся с Мадлен Бассет довольно часто. Когда на меня нападала хандра, мне даже казалось, что я шагу не могу ступить, чтобы не наткнуться на упомянутую Мадлен Б.

Но самое скверное – чем чаще мы с ней встречались, тем труднее мне становилось поддерживать разговор.

Сами знаете, как бывает, когда общаешься с некоторыми барышнями. Вас как будто выпотрошили. В их присутствии голосовые связки вам не повинуются, а в голове словно бы опилки. Именно такие ощущения вызывала у меня эта Бассет. Доходило до того, что Бертрам Вустер переминался с ноги на ногу, теребил галстук – словом, вел себя как последний болван и тупица. Поэтому легко представить, как обрадовался Бертрам, когда Мадлен Бассет отбыла в Лондон двумя неделями раньше нас.

Заметьте, вовсе не ее несказанная красота вызывала у меня этот столбняк. Хотя надо отдать ей должное, она была красива – этакая томная блондинка с огромными глазищами, однако от ее прелестей дух у меня не захватывало.

² Теллула Банкхед (1903–1968) – американская актриса, дочь известного политического деятеля Уильяма Брокмена Банкхеда.

Нет, причина, по которой Бертрам, непревзойденный мастер изящной светской болтовни с представительницами прекрасного пола, лишился при виде Мадлен Бассет дара слова, крылась в странном, мягко говоря, образе мыслей означенной девицы. Не хочу ни на кого возводить напраслину, поэтому не стану утверждать, что она кропает стишки, но ее манера разговаривать вызывает живейшие подозрения на этот счет. Когда девица ни с того ни с сего брякает вам, что звезды на небе – это ромашки на лугах Господа Бога, тут невольно призадумаетесь.

Поэтому ни о каком слиянии душ у нас с этой Бассет и речи не шло. А вот Гасси – иное дело. Если меня ставит в тупик, что девица по уши набита всякими бреднями и сентиментальным вздором, то Гасси наверняка придет от этого в восторг.

Он всегда был мечтатель и размазня, иначе не заточил бы себя в глуши и не посвятил свою жизнь тритонам. Если какое-то чудо поможет Гасси прошептать слова признания, уверен, они с Бассет составят идеальную пару, вроде яичницы с ветчиной.

– Она создана для него, – сказал я.

– Чрезвычайно приятно это слышать, сэр.

– А он создан для нее. Дело стоящее, и надо во что бы то ни стало его проверить. Дживс, напрягите интеллект.

– Слушаюсь, сэр, – отвечал усердный мальчик. – Я немедленно примусь выполнять ваше поручение.

До этой минуты – думаю, вы со мной согласитесь, – у нас с Дживсом царило совершенное согласие. Мы дружески болтали о том о сем, в доме тишь, гладь и Божья благодать. Однако – говорю об этом с сожалением – в один миг все резко переменялось. В воздухе повеяло грозой, налетели тучи, и не успели мы опомниться, как послышались раскаты грома. Подобные сцены случаются в доме Вустера.

Первым намеком на то, что обстановка накаляется, было раздавшееся в окрестностях ковра удрученно-осуждающее покашливание. Надо вам сказать, что во время приведенного ранее разговора я, обтеревшись после ванны, начал неспешно одеваться – носки, брюки-гольф, туфли, сорочка, жилет, галстук, а Дживс, стоя на коленях и находясь, так сказать, в партере, распаковывал мои вещи.

И вдруг он поднялся на ноги, держа в руках нечто белое. Взглянув на это нечто, я понял, что назревает еще один домашний кризис, еще одно неизбежное столкновение двух сильных личностей, и если Бертрам не вспомнит предков-воинов и не встанет на защиту своих прав, он будет повержен.

Не знаю, были ли вы в Каннах тем летом. Если были, то вы, разумеется, помните: каждый, кто рассчитывал стать душой общества, неизменно посещал вечера в казино в обычных фракных брюках, к северу от которых располагался клубный пиджак с золотыми пуговицами. И с той минуты, как я сел в Каннах в «Голубой экспресс», меня тревожил вопрос, как примет этот пиджак Дживс.

Понимаете, во взглядах на вечерние костюмы Дживс крайне ограниченная личность, настоящий ретроград. У нас с ним уже случались распри по поводу сорочек с мягкой манишкой. А белые клубные пиджаки были тогда на Лазурном берегу предметом повального увлечения, *tout se qu'il y a de chic*. И щеголяя в казино «Палм-Бич» шикарным белым пиджаком, который, конечно же, был поспешно мною куплен, я отдавал себе отчет, что дома мое приобретение скорее всего будет встречено в штыки.

И приготовился дать отпор.

– Да, Дживс? – сказал я. И хотя голос у меня звучал мягко, внимательный наблюдатель заметил бы в моих глазах стальной блеск. Никто не питает к интеллекту Дживса большего почтения, чем я, однако следует искоренить эту его привычку направлять руку, которая его кормит. Белый пиджак был дорог моему сердцу, и я приготовился сражаться за него с муже-

ством, достойным моего великого предка сеньора де Вустера, отличившегося в битве при Азенкуре³.

– Да, Дживс? Вы хотели что-то сказать? – спросил я.

– Боюсь, что, покидая Канны, вы нечаянно захватили одежду, принадлежащую другому джентльмену, сэр.

Я добавил в свой взгляд еще немного стального блеску.

– Нет, Дживс, – спокойно возразил я, – предмет, о котором вы говорите, принадлежит мне. Я купил его в Каннах.

– И вы его надевали, сэр?

– Каждый вечер.

– Но вы, вне всяких сомнений, не предполагаете носить его в Англии, сэр?

Вот мы и подобрались к главному.

– Собираюсь, Дживс.

– Но, сэр...

– Вы хотите что-то сказать, Дживс?

– Данный предмет – совершенно неподобающая для вас одежда, сэр.

– Дживс, я с вами не согласен. Представляю, какой колоссальный успех будет иметь этот пиджак. Завтра на вечеринке по случаю дня рождения Понго Туистлтона я намерен его обнаружить. Уверен, все будут визжать от восторга. И не спорьте со мной, Дживс. Довольно обсуждать эту тему. Я надену пиджак вопреки всем вашим возражениям.

– Очень хорошо, сэр.

И он снова принялся разбирать вещи. Я не проронил больше ни слова. Победа осталась за мной, а мы, Вустеры, не торжествуем над поверженным противником. Завершив туалет, я весело попрощался с Дживсом и от доброты душевной отпустил его на весь вечер: ведь я обедаю в клубе, пусть малый развлечется, посмотрит, например, какой-нибудь возвышающий душу фильм. Словом, протянул ему оливковую ветвь.

Однако он ее не принял.

– Благодарю вас, сэр. Я останусь дома.

Я изучающе на него посмотрел:

– Что, обиделись?

– Нет, сэр. Мне нельзя отлучаться. Мистер Финк-Ноттл известил меня, что придет сегодня вечером.

– А, так вы ждете Гасси? Привет ему.

– Передам, сэр.

– Предложите ему виски с содовой и прочее.

– Слушаюсь, сэр.

– Так держать, Дживс.

Я отбыл в клуб «Трутни», где сразу встретил Понго Туистлтона. Он так пространно расписывал предстоящую по случаю своего дня рождения пирушку, о которой я уже знал из писем друзей, что домой я вернулся только около одиннадцати.

Едва отворив дверь, я услышал голоса, а войдя в гостиную, обнаружил, что принадлежат они Дживсу и, как мне сначала показалось, Сатане.

Приглядевшись, я понял, что это Гасси Финк-Ноттл в костюме Мефистофеля.

³ Селение во Франции, близ которого во время Столетней войны (1337–1453) войска английского короля Генриха V разгромили французов.

Глава 2

– Привет, Гасси, – проговорил я.

Разумеется, вида я не подал, однако, честно сказать, почувствовал некоторое замешательство. Такое зрелище кого угодно озадачит. Понимаете, Финк-Ноттл, сколько я его помню, малый робкий, нерешительный – пригласите его на субботнее чаепитие в церкви, он смутится и задрожит как осиновый лист. Однако если мои глаза меня не обманывали, это был Гасси, одетый для костюмированного бала, а это развлечение по плечу только самым стойким.

К тому же, заметьте, он надел не костюм Пьеро, как сделал бы на его месте любой уважающий себя англичанин, а вырядился Мефистофелем, то есть на нем были – хочу особо это подчеркнуть – не только обтягивающее красное трико, но и паскудного вида накладная борода.

Зрелище, как вы понимаете, не для слабонервных. Однако выставлять напоказ свои чувства не принято. Я скрыл пошлое удивление под маской светской непринужденности и дружески поздоровался со старым приятелем.

Он сконфуженно усмехнулся под гадкой растительностью.

– Привет, Берти.

– Давненько мы с тобой не виделись. Выпьем?

– Нет, благодарю. Я, собственно, на минутку. Заехал справиться у Дживса, как я выгляжу. Берти, а ты что скажешь, каков у меня вид?

Разумеется, ответ мог быть только один: «совершенно непотребный». Однако мы, Вустеры, всегда отличались деликатностью, к тому же роль хозяина дома накладывает ограничения. Под гостеприимной сенью своей квартиры Вустеры не говорят старым друзьям, что они выглядят непотребно. И я уклонился от ответа.

– Слышал, ты живешь в Лондоне? – как бы между прочим сказал я.

– Да.

– Должно быть, сто лет здесь не был.

– Да.

– Решил повеселиться сегодня вечером?

Гасси нервно передернул плечами. Вид у него был затравленный.

– Повеселиться!

– Разве тебе не хочется идти на этот бал?

– Да, наверное, там будет весело, – уныло проговорил он. – Во всяком случае, мне пора. Начало около одиннадцати. Меня ждет такси... Дживс, взгляните, пожалуйста, не уехало ли оно.

– Да, сэр.

Дверь за Дживсом затворилась, и наступило молчание. Несколько натянутое молчание. Я смешал себе коктейль, а Гасси, будто в приступе мазохизма, принялся разглядывать себя в зеркале. Наконец я решил дать ему понять, что готов разделить его трудности. Возможно, ему станет легче на душе, если он поверит свои сердечные тайны доброжелательному и искушенному в таких делах другу. Я давно заметил: если человека поразила любовная лихорадка, ему нужно только одно – чтобы кто-то выслушал его бред.

– Послушай, Гасси, старый греховодник, – начал я, – мне все известно о твоих похождениях.

– А?

– В смысле – о твоих проблемах. Дживс мне рассказал.

По-моему, он не слишком обрадовался. Вообще довольно трудно о чем-либо судить, когда человек по уши зарылся в бороду, но мне показалось, что он слегка покраснел.

– Зря Дживс болтает обо мне с каждым встречным-поперечным. Мне казалось, наши беседы строго конфиденциальны.

Я не мог допустить, чтобы Гасси продолжал в том же духе.

– Значит, по-твоему, беседовать со своим господином о разных пустяках означает выбалтывать секреты первому встречному? – с упреком проговорил я. – Как бы то ни было, я в курсе твоих дел, мне известно все. И для начала хочу сказать, что Мадлен Бассет очаровательная барышня, – продолжал я. Чтобы поддержать и поощрить этого придурка, я подавил в себе естественное желание назвать означенную девицу сентиментальной дурочкой. – Экстра-класс! И как раз в твоём вкусе.

– Разве ты с ней знаком?

– Разумеется. Меня удивляет, как ты-то с ней познакомился?

– На позапрошлой неделе она гостила у своих друзей в Линкольншире, неподалеку от моего поместья.

– Ну и что? Ведь ты не общаешься с соседями.

– Не общаюсь. Я ее встретил, когда она гуляла с собакой. Видишь ли, животному в лапу вонзилась колючка, и когда Мадлен попыталась ее вытащить, собака едва ее не укусила. Разумеется, я бросился на помощь.

– Вытащил колючку?

– Да.

– И влюбился с первого взгляда?

– Да.

– Господи! Ведь тебе так повезло, почему ты сразу этим не воспользовался?

– Духу не хватило.

– И что дальше?

– Мы немного поговорили.

– О чем?

– О птичках.

– О птичках? С какой стати?

– Понимаешь, кругом как раз порхали птички. Ну и пейзаж, и прочее. Она сказала, что собирается в Лондон и что если я тоже там буду, то могу ее навестить.

– Неужели после этого ты не сжал ее ручку?

– Как можно!

Ну что тут скажешь! Если судьба подносит человеку счастье на серебряном блюде, а он трусит как заяц, пиши пропало. И все же я напомнил себе, что с этим нескладехой мы вместе учились в школе. Помогать старым школьным друзьям – святая обязанность.

– Ну ладно, – сказал я, – посмотрим, что тут можно сделать. Еще не все потеряно. Во всяком случае, радуйся, что я к твоим услугам. Можешь рассчитывать на Берти Вустера.

– Спасибо, старик. И тебе, и Дживсу; ему, конечно, цены нет.

Не стану отрицать, меня от этих слов слегка передернуло. Едва ли Гасси хотел нанести мне обиду, но, должен сказать, его бестактное заявление меня здорово задело. Признаться, я все время терплю подобные оскорбления. Мне постоянно дают понять, что Бертрам Вустер нуль и единственный в моем доме, у кого есть голова на плечах, это Дживс.

Мне подобное отношение действует на нервы. А уж сегодня тем более. Сегодня я был сыт Дживсом по горло. Я имею в виду наши расхождения во взглядах на клубный пиджак. Правда, я заставил Дживса уступить, бестрепетно подавил его силой своей личности, однако мною все еще владела легкая досада на то, что он вообще затеял разговор на эту тему. Пора взять Дживса в ежовые рукавицы.

– И что же предложил тебе Дживс? – холодно спросил я.

– Он очень тщательно все продумал.

– Неужели?

– По его совету я еду на бал-маскарад.

– Зачем?

– Там будет она. На самом деле это она прислала мне пригласительный билет. И Дживс счел...

– Но почему не в костюме Пьеро? – спросил я, ибо этот вопрос давно вертелся у меня на языке. – Почему ты пренебрег добрыми старыми традициями?

– Дживс особенно настаивал на том, чтобы я оделся Мефистофелем.

Я чуть не подпрыгнул.

– Дживс? Настаивал? Именно на этом костюме?!

– Да.

– Ха!

– Что?

– Ничего. Просто я сказал «ха!».

Объясню, почему я сказал «ха!». Этот Дживс поднимает шторм из-за обыкновенного белого клубного пиджака, который не только *tout se qu'il y a de chic*, но совершенно *de reguer*, а сам глазом не моргнув подстрекает Гасси Финк-Ноттла натянуть красное трико, что нельзя расценить иначе как оскорбление общественному вкусу. Он что, издевается? Такие штуки вызывают подозрение.

– Что он имеет против Пьеро?

– По-моему, в принципе он не против Пьеро. Просто он подумал, что в моем случае Пьеро не годится.

– Почему? Не понимаю.

– Дживс сказал, что костюм Пьеро радует глаз, но ему недостает той значительности, которой обладает наряд Мефистофеля.

– Все равно не понимаю.

– Дживс сказал, все упирается в психологию.

Было время, когда подобное высказывание меня бы озадачило. Но долгое общение с Дживсом сильно обогатило лексикон Берти Вустера. Дело в том, что Дживс большой знаток в области психологии, в частности психологии личности. Но и я теперь хватаю все на лету, едва он заикнется насчет психологии.

– А, в психологию?

– Да. Дживс убежден, что одежда оказывает воздействие на психику. Он считает, что такой эффектный наряд придаст мне смелости. По его мнению, хорош был бы и пиратский костюм. Вообще-то Дживс с самого начала советовал его надеть, но мне не подходят ботфорты.

Я все понял. В жизни и так хватает огорчений, а тут еще Гасси Финк-Ноттл в пиратских ботфортах.

– Ну и как, прибавилось у тебя смелости?

– Видишь ли, Берти, старина, если честно, то нет.

Меня буквально потряс порыв сострадания к бедному придурку. Пусть в последнее время мы с ним почти не встречались, но разве забудешь, как в школьные годы мы запускали друг в друга дротики, предварительно обмакнув их в чернила.

– Гасси, – сказал я, – послушай совет старого друга и на пушечный выстрел не подходи к этому балу-маскараду.

– Но это единственная возможность ее увидеть. Завтра она уезжает из Лондона. И потом, никто не знает...

– Чего не знает?

– А если расчет Дживса оправдается? Сейчас я чувствую себя как последний дурак, это верно, но кто знает, что случится, когда я смешаюсь с толпой в маскарадных костюмах. Такое

со мной было в детстве на Рождество. Меня нарядили кроликом, и я просто сгорал от стыда. Но когда пришел на праздник и оказался в толпе детей, костюмы которых были еще отвратительнее моего, я, к моему удивлению, воспрянул духом, веселился вовсю и так объелся за ужином, что по дороге домой меня дважды стошнило в такси. Трудно заранее сказать, как все обернется.

Звучит довольно убедительно, подумал я.

– Да и вообще в принципе Дживс совершенно прав. В этом экстравагантном мефистофельском одеянии я способен совершить поступок, который всех поразит. Понимаешь, тут цвет делает погоду. Возьмем, например, тритонов. В брачный период окраска самцов становится очень яркой. Великое дело, знаешь ли.

– Но ты-то не самец тритона.

– К сожалению. Известно ли тебе, Берти, как тритон делает предложение своей возлюбленной? Он становится перед ней, изгибается дугой и трясет хвостом. Это я бы сумел. Нет, Берти, будь я самец тритона, все было бы куда проще.

– Но тогда Мадлен Бассет на тебя и не взглянула бы. В смысле, влюбленным взглядом.

– Еще как взглянула бы, если бы была самкой тритона.

– Но она не самка тритона.

– Допустим, она самка тритона.

– Согласен, только ты бы в нее тогда не влюбился.

– Спорим, влюбился бы, если бы был самцом тритона.

У меня в висках застучало, и я понял, что наша дискуссия достигла точки насыщения.

– Послушай, – сказал я, – к черту фантазии насчет махания хвостами и прочей чепухи, давай рассматривать голые факты. Ты приглашен на бал-маскарад, вот что главное. И я, как искусственный участник этого вида развлечений, предупреждаю тебя, Гасси: никакого удовольствия ты не получишь.

– Но я и не надеюсь получить удовольствие.

– Воля твоя, но я бы не пошел.

– Придется идти. Я же тебе говорю, она завтра уезжает.

Я сдался.

– Ладно, ступай, – сказал я. – Дело твое... Да, Дживс?

– Такси для мистера Финк-Ноттла, сэр.

– Что? Ах, такси... Гасси, такси тебя ждет.

– А? Такси? Ну да, конечно, такси... Благодарю вас, Дживс. До скорого, Берти.

Вымученно улыбнувшись – так улыбался цезарю римский гладиатор, выходя на арену, – Гасси удалился. Я обернулся к Дживсу. Пришло время поставить его на место, и я был во всеоружии.

Конечно, всегда трудно начать. Да, я твердо решил показать ему, где раки зимуют, но мне не хотелось слишком сильно задевать его чувства. Даже демонстрируя железную хватку, мы, Вустеры, сохраняем доброжелательность.

Однако, поразмыслив, я понял, что если примусь за дело слишком уж деликатно, то ничего не добьюсь. Зачем ходить вокруг да около?

– Дживс, – сказал я, – могу я говорить откровенно?

– Вне всякого сомнения, сэр.

– Боюсь, то, что я скажу, будет вам неприятно.

– Ничуть, сэр.

– Видите ли, как я узнал из беседы с мистером Финк-Ноттлом, эта мефистофельская затея принадлежит вам.

– Да, сэр.

– Послушайте, давайте внесем ясность. Насколько я понял, вы считаете, что, обтянув себя красным трико, мистер Финк-Ноттл при виде предмета своего обожания начнет трясти хвостом и гикать от радости.

– По моему мнению, мистер Финк-Ноттл избавится от присущей ему робости, сэр.

– Не могу с вами согласиться, Дживс.

– Не можете, сэр?

– Не могу. Скажу напрямик: много я слышал в жизни глупостей, но эта бьет все рекорды. Ничего у вас не выйдет. И не надейтесь. Единственное, чего вы добились, – обрекли мистера Финк-Ноттла на кошмарные мучения, и все впустую. И такое вы проделываете уже не в первый раз. Честно говоря, Дживс, я замечаю у вас склонность к... как это называется?

– Не могу сказать, сэр.

– Вертится на языке... к излишней изо... изобретательности? Нет, не то...

– Изощренности, сэр?

– Вот-вот, именно изощренности. Излишняя изощренность – вот в чем ваша беда, Дживс. Ваши планы лишены простоты и прямоты. Вы все только запутываете своими фантазиями. Единственное, что нужно мистери Финк-Ноттлу, – мудрый совет более опытного друга, искусственного в тонкостях света. Поэтому теперь этим делом займусь я.

– Очень хорошо, сэр.

– А вы отдохните, Дживс, и посвятите время домашним делам.

– Очень хорошо, сэр.

– Уж я-то буду действовать напрямик, я сразу добьюсь результата. Завтра же повидаюсь с Гасси.

– Очень хорошо, сэр.

– Пока все, Дживс.

Однако наутро посыпались телеграммы, и, занятый своими собственными делами, я, честно говоря, целый день не вспоминал о Гасси.

Глава 3

Первая телеграмма пришла вскоре после полудня. Дживс принес ее мне вместе с аперитивом перед ленчем. Телеграфировала тетушка Далия из Маркет-Снодсбери, небольшого городка милях в двух от ее поместья, если ехать по шоссе.

В послании значилось:

«Немедленно приезжай. Траверс».

Сказать, что я был до чертиков озадачен, – значит ничего не сказать. Мне еще не приходилось получать более загадочной телеграммы. Я изучал ее в глубокой задумчивости на протяжении двух стаканов сухого мартини. Прочел справа налево. Прочел слева направо. Помнится, даже понюхал. Но так ничего и не понял.

Послушайте, давайте рассуждать здраво. Ведь мы расстались вчера вечером после двух месяцев непрерывного общения. И вдруг – «немедленно приезжай», хотя мой прощальный поцелуй, можно сказать, еще не остыл на ее щеке. Бертрам Вустер не привык, чтобы кто-то столь алчно домогался его общества. Спросите любого, кто меня знает, и вам скажут: два месяца в моей компании для нормального человека срок более чем достаточный. Признаться, кое-кто и нескольких дней не выдерживает.

Поэтому, прежде чем сесть за отменно приготовленный ленч, я отправил тетушке следующую телеграмму:

«Удивлен. Жду объяснений. Берти».

Едва прилег вздремнуть после ленча, пришел ответ:

«Чем ты, черт подери, удивлен, балда? Немедленно приезжай. Траверс».

Три сигареты, несколько кругов по комнате, и текст эпистолы был готов:

«Что означает «немедленно»? С уважением. Берти».

Тетушкин ответ гласил:

«“Немедленно” означает немедленно, дуралей несчастный. А что еще, по-твоему, это может означать? Приезжай немедленно, иначе завтра с первой же почтой на твою голову падет теткино проклятие. Целую. Траверс».

Желая расставить все точки над *i*, я отправил тетушке следующее послание:

«Когда вы говорите «приезжай», вы имеете в виду «приезжай в Бринкли-Корт»? А когда говорите «немедленно», означает ли это «немедленно»? Растерян. Озадачен до крайности. С наилучшими пожеланиями. Берти».

Телеграмму я отправил по дороге в «Трутни», где провел полдня, состязаясь с достойными противниками в метании карт в цилиндр. Вернувшись домой в закатной тиши, я обнаружил, что меня ждет ответ:

«Да, да, да, да, да, да. Не важно, что ты ничего не понимаешь. Просто приезжай немедленно, я тебя прошу. И ради Бога, хватит со мной пререкаться. По-твоему, у меня денег куры не клюют и я в состоянии посылать тебе телеграммы каждые десять минут? Вот упрямый осел. Немедленно приезжай. Целую. Траверс».

Тут я понял, что мне необходимо с кем-то посоветоваться, и нажал кнопку звонка.

– Дживс, нас накрыла цунами, зародившаяся в Вустершире. Прочтите, – сказал я и протянул ему кипу телеграмм.

Он пробежал их глазами.

– Как вы это понимаете, Дживс?

– Думаю, миссис Траверс желает, чтобы вы немедленно к ней приехали, сэр.

– Значит, вы тоже так поняли?

– Да, сэр.

– Вот и я сделал такой же вывод. Но зачем, скажите на милость? Ведь мы с тетушкой только что провели бок о бок почти два месяца.

– Да, сэр.

– Многие считают, что средневзвешенная доза общения для взрослых – два дня.

– Да, сэр. Я понимаю, о чем вы говорите. И тем не менее миссис Траверс проявляет исключительную настойчивость. Мне кажется, было бы разумнее выполнить ее желание.

– То есть мчаться на всех парах в Бринкли-Корт?

– Да, сэр.

– Ну, хорошо. Но я решительно не готов лететь туда сию минуту. Сегодня вечером у нас в «Трутнях» чрезвычайно важная встреча. День рождения Понго Туистлтона, надеюсь, вы не забыли.

– Нет, сэр.

Наступила небольшая пауза. Мы оба вспомнили о нашей размолвке. Самое время, подумал я, вернуть что-нибудь этакое.

– Дживс, все-таки вы заблуждаетесь насчет клубного пиджака.

– Дело вкуса, сэр.

– Когда я его надевал в казино в Каннах, самые шикарные дамы подталкивали друг друга локтем и шепотом спрашивали: «Кто это? Кто это?»

– Континентальные казино печально известны своим дурным тоном, сэр.

– А вчера вечером я описал пиджак Понго, и он пришел в дикий восторг.

– В самом деле, сэр?

– И не он один. Все сошлись на том, что я отхватил классную вещь. Подчеркиваю – все.

– В самом деле, сэр?

– Убежден, Дживс, со временем вы этот пиджак любите.

– Вряд ли это случится, сэр.

Я выкинул белый флаг. В таких случаях бессмысленно пытаться урезонить Дживса. Так и хочется назвать его тупым упрямым. Но ничего не поделаешь. Вздохнешь и отступишься.

– Ладно, вернемся к тому, с чего начали. Не могу я сейчас мчаться ни в Бринкли-Корт, ни вообще куда бы то ни было – и точка. Вот что, Дживс. Дайте мне перо и бумагу. Телеграфирую, что буду или на следующей неделе, или еще через неделю. Гори все белым пламенем, пусть тетушка обойдется несколькими днями без меня. Надеюсь, у нее хватит силы воли.

– Да, сэр.

– Тогда вперед, Дживс. Значит, так: «Ждите меня завтра через две недели». Это как раз то, что требуется. Прогуляйтесь в ближайшее почтовое отделение, отправьте послание, и дело с концом.

– Хорошо, сэр.

Так я скоротал этот длинный день, а потом пришло время переодеться и топтать на день рождения Понго.

Вчера вечером мы с ним болтали на эту тему, и он меня уверял, что устроит нечто грандиозное. И должен сказать, он в грязь лицом не ударил. Домой я вернулся в пятом часу с единственной мыслью – поскорее спать. Едва помню, как добрался до постели и заполз в нее. У меня было такое чувство, будто только я коснулся подушки головой, как меня разбудил звук открывающейся двери.

Вряд ли я что-нибудь соображал в ту минуту, однако ухитрился приоткрыть один глаз.

– Дживс, это что? Чай?

– Нет, сэр. Это миссис Траверс.

Просвистел порывистый ветер, и в спальню на всех парах, со скоростью пятьдесят миль в час влетела моя престарелая родственница.

Глава 4

Бертрам Вустер, как известно, взирает на своих родственников более пронизательным и безжалостным оком, чем кто бы то ни было. Тем не менее он охотно отдает дань восхищения тем из них, кто этого заслуживает. Если вы с должным вниманием читали мои мемуары, то, конечно, знаете, что моя тетушка Далия, как я не раз повторял, – прелесть.

Она, как вы, наверное, помните, вышла замуж *en secondes nocces*⁴ – так, кажется, говорится, если я ничего не путаю, – за старину Тома Траверса в тот год, когда на Кембриджширских скачках Колокольчик пришел первым. Она же как-то подбила меня написать статью «Что носит хорошо одетый мужчина» для своего журнала «Будуар элегантной дамы». Тетушка Далия – добрая душа, проводить время в ее обществе одно удовольствие. Ей совсем не свойственны ни гнусное коварство, ни подлость, которыми славится, например, другая моя тетка, Агата, ужас и проклятие Мидлсекса, Эссекса, Кента, Суррея, а также Хартфордшира и Суссекса. Тетушку Далию я сердечно люблю и ценю за ее добродушие, спортивный дух и за то, что она такой славный малый.

Ввиду вышесказанного можете себе представить, как я удивился, увидев ее ни свет ни заря у своего ложа. Я сто раз у нее гостил, и ей известны мои привычки. Ведь знает, что я не принимаю по утрам, пока не выпью чашку чаю. А теперь она врывается ко мне в ту минуту, когда я больше всего на свете жажду уединения и покоя. Изменяет нашим старым добрым традициям.

И вообще с какой стати она явилась в Лондон? Вот вопрос, который я себе задавал. Когда заботливая хозяйка возвращается под родной кров после двухмесячного отсутствия, она не мчится из него прочь на следующий же день. Понимает, что надо сидеть дома, хлопотать вокруг мужа, совещаться с поваром, кормить кошку, расчесывать шпича и прочее. Хотя глаза мне застилал туман, я собрался с силами и бросил на тетушку суровый, укоризненный взгляд. Правда, слипшиеся веки помешали мне добиться нужной выразительности.

Она, казалось, не заметила ни суровости, ни укоризны.

– Да проснись же ты, Берти, дубина стоеросовая! – заорала она голосом, который навывлет, от лба до затылка, пробил мне череп.

Если у тетушки Далии и есть недостаток, так это ее манера адресоваться к своему *vis-a-vis* так, будто он со сворой гончих скачет верхом в полумиле от нее. Атавизм, разумеется, с тех времен, когда она считала день потерянным, если не затравила на охоте несчастную лисицу.

Я снова послал ей суровый, исполненный укоризны взгляд, который на этот раз не остался незамеченным ею, однако особого впечатления на нее не произвел. Она перешла на личности.

– Хватит мне подмигивать! Это даже неприлично, – заявила тетушка. – Послушай, Берти, – продолжала она, разглядывая меня; должно быть, Гасси вот так же разглядывает какого-нибудь второсортного тритона. – Ты хоть представляешь, какой омерзительный у тебя вид? Нечто среднее между классическим забулдыгой – таких обычно в кинематографе изображают – и простейшим земноводным. Наверное, всю ночь кутил?

– Да, был на приеме, – сухо сказал я. – По случаю дня рождения Понго Туистлтона. Не мог же я предать друга. *Noblesse oblige*.

– Ладно, вставай и одевайся.

Мне показалось, я ослышался.

– Вставать и одеваться?

– Да.

⁴ Вторым браком (*фр.*).

Со слабым стоном я повернул голову, и в это время вошел Дживс с чашкой живительного китайского чаю. Я вцепился в нее, как утопающий в соломенную шляпу. Глоток-другой, и я почувствовал... Нет, не скажу, что я воскрес, ибо день рождения Понго Туистлттона не такое мероприятие, после которого вас может оживить глоток чаю. Однако старина Бертрам оказался в силах сообразить, что на него обрушилось нечто ужасное.

И чем усерднее я старался сообразить, что именно на меня обрушилось, тем меньше понимал, откуда ветер дует.

– Тетя Далия, что такое? – спросил я.

– Мне кажется, чай, – отвечала тетушка. – Впрочем, тебе виднее.

Без сомнения, я бы нетерпеливо взмахнул рукой, но побоялся пролить целебный напиток. Признаться, меня так и подмывало сделать нетерпеливый жест.

– Я не о чае! При чем здесь чай? Вы чуть свет вторгаетесь ко мне, требуете, чтобы я вставал и одевался. Нелепость какая-то.

– Я к тебе, как ты выражаешься, вторглась, потому что телеграммы не произвели на тебя никакого впечатления. А велела тебе встать и одеться, потому что хочу, чтобы ты встал и оделся. Поедешь со мной в Бринкли-Корт. Что за наглость! Заявлять, что явишься ко мне чуть ли не через год! Дудки, поедешь немедленно. Для тебя есть работа.

– Но я не хочу работать.

– Мало ли что! Никто тебя не спрашивает. В Бринкли есть работа для настоящего мужчины. И чтобы через двадцать минут ты был как штык.

– Не могу я через двадцать минут быть как штык. Я при последнем издыхании.

Тетя Далия задумалась.

– Ладно, – сказала она. – По своей доброте дам тебе день-другой, чтобы ты очухался. Договорились, жду тебя самое позднее тридцатого.

– Но черт подери, что стряслось? О какой работе вы говорите? Зачем мне работа? Что еще за работа такая?

– Если ты помолчишь минуту, объясню. Работа нетрудная и очень приятная. Тебе понравится. Ты когда-нибудь слышал о Маркет-Снодсберийской средней классической школе?

– Никогда.

– Это средняя классическая школа в Маркет-Снодсбери.

Я довольно сухо заметил, что нетрудно догадаться.

– Откуда мне знать, что ты со своими умственными способностями на лету все хватаешь? – парировала тетушка Далия. – Ну ладно. Маркет-Снодсберийская средняя классическая школа, как ты догадался, это классическая средняя школа в Маркет-Снодсбери. И я – одна из ее попечительниц.

– В смысле, одна из надзирательниц?

– Берти, довольно молоть вздор! Послушай, олух царя небесного. Помнишь, у вас в Итоне был попечительский совет? Нечто подобное существует и в Маркет-Снодсберийской средней классической школе, и я в нем состою. Мне поручено организовать церемонию вручения призов за летний семестр. Она состоится в последний день месяца, то есть тридцать первого. Ты все понял?

Я отпил еще немного живительной влаги и утвердительно кивнул. Столь очевидные вещи были доступны моему пониманию даже после вчерашней попойки.

– Разумеется. Что тут мудреного? Маркет... Снодсбери... средняя школа... попечительский совет... вручение призов... Уж куда проще... Но при чем тут я?

– Ты будешь вручать призы.

Я захлопал глазами. Бред какой-то. Чтобы ляпнуть такую чушь, надо весь день просидеть на солнцепеке без шляпы.

– Я?

– Ты.

Я еще больше выпучил глаза.

– Вы хотите сказать – я?

– Именно.

Глаза у меня полезли на лоб.

– Вы надо мной смеетесь, тетенька.

– Еще чего! Будто у меня дел других нет. Призы должен был вручать викарий, но, когда приехала домой, я нашла от него письмо: он подвернул ногу и вынужден отказаться. Представляешь, в каком я положении? Всех обзвонила, никто не может. И тогда я вспомнила о тебе.

Я решил в зародыше пресечь эту безумную затею. Бертрам Вустер готов угождать любимым тетушкам, но всему есть предел, есть черта, которую переступать нельзя.

– И надеетесь, я соглашусь раздавать призы в этой вашей «Дотбойз-холл»⁵ для придурков?

– Надеюсь.

– И держать речь?

– Само собой.

Я иронически рассмеялся.

– Ради Бога, перестань булькать. Я с тобой серьезно разговариваю.

– Я не булькал. Я смеялся.

– В самом деле? Приятно, что моя просьба так тебя радует.

– Это был иронический смех, – объяснил я. – Никаких призов я вручать не собираюсь.

Не буду, и все. Точка.

– Будешь, мой дорогой, или никогда больше тебе не переступить порог моего дома. Ты понимаешь, что это значит. Не видать тебе обедов Анатоля как своих ушей.

Я содрогнулся. Тетушка говорила о своем поваре, выдающемся маэстро. Царь и бог в своем деле, единственный и непревзойденный, творящий из продуктов нечто божественное, тающее во рту, Анатолий магнитом притягивал меня в Бринкли-Корт. Стоит мне о нем вспомнить – и сразу слюнки текут. Счастливейшие минуты жизни я провел, поедая жаркое и рагу, сотворенные этим великим человеком, и мысль о том, что меня больше никогда не подпустят к кормушке, была невыносима.

– Опомнитесь, тетя Далия! По-моему, вы хватили через край!

– Ага, знала, что тебя проймет, обжора несчастный.

– При чем здесь обжора, – с достоинством возразил я. – Тот, кто отдает должное кулинарному искусству гения, вовсе не обжора.

– Не стану скрывать, я сама в восторге от его стряпни, – призналась тетушка. – Но имей в виду, если ты откажешься выполнить эту простую, легкую и приятную работу, тебе не перепадет ни кусочка. Даже понюхать не дам. Намотай это себе на ус.

Я понял, что меня, как дикого зверя, загнали в ловушку.

– Но почему я? Кто я такой? Ну подумайте сами.

– Думала, и не раз.

– Послушайте, я совсем не тот, кто вам нужен. Чтобы вручать призы, надо быть важной птицей. Помнится, у нас в школе это делал, кажется, премьер-министр.

– Ох, ну ты же учился в Итоне. Мы у себя в Маркет-Снодсбери не столь разборчивы. Нам подойдет любой, кто носит краги.

– Почему бы вам не обратиться к дяде Тому?

– К дяде Тому?!

⁵ Школа для мальчиков в романе Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никлби», где царил палочный дисциплина, отупляющая учеников.

– Ну да. Ведь он же носит краги.

– Ладно, объясню, – сказала тетушка. – Помнишь, в Каннах я спустила в баккара все до нитки? Теперь мне надо подольститься к Тому и выложить все начистоту. Если сразу после этого я приступлю к нему с просьбой надеть пропахшие лавандой перчатки и цилиндр, дабы вручить призы ученикам Маркет-Снодсберийской классической школы, дело дойдет до развода. Том приколет записочку к игольнику и был таков. Нет уж, мой милый, ты, и никто другой, так что мужайся.

– Но, тетушка, прислушайтесь к голосу разума. Вы ошиблись в выборе, поверьте мне. В таких делах от меня никакого проку. Спросите Дживса, он вам расскажет, как меня вынудили держать речь в школе для девочек. Я выглядел как последний идиот.

– От души надеюсь, что тридцать первого ты тоже будешь выглядеть как последний идиот. Именно поэтому я тебя и выбрала. Раз уж все процедуры вручения призов все равно обречены на провал, пусть публика хотя бы от души посмеется. Я получу истинное удовольствие, глядя, как ты вручаешь призы. Ну, не стану тебя задерживать, ты, наверное, хочешь заняться шведской гимнастикой. Жду тебя через день-другой.

Произнеся этот безжалостный монолог, тетушка удалилась, оставив меня в растерзанных чувствах. Мало того, что Бертрам не оправился после вчерашней попойки, так его постиг новый сокрушительный удар, и не будет преувеличением сказать, что я совсем скис. В душе у меня царил беспросветный мрак, и тут дверь отворилась и появился Дживс.

– Мистер Финк-Ноттл, сэр, – возвестил он.

Глава 5

Я выразительно на него посмотрел.

– Дживс, уж этого я никак от вас не ожидал. Я вернулся домой на рассвете, вы это отлично знаете. Вам известно, что я едва успел выпить чаю. Вы прекрасно понимаете, как громоподобный голос тети Далии действует на больную голову. И тем не менее вы мне докладываете о каких-то Финк-Ноттлах. По-вашему, сейчас время принимать Финков и разных прочих Ноттлов?

– Но разве вы не дали мне понять, сэр, что желаете видеть мистера Финк-Ноттла, чтобы дать ему совет касательно его дела?

Признаться, при этих словах мои мысли приняли совсем иной оборот. За собственными неприятностями я напрочь забыл, что взвалил на себя заботу о Гасси. Это в корне меняло дело. Нельзя относиться к своему клиенту наплевательски. Шерлок Холмс никогда бы не отказался принять посетителя только потому, что накануне допоздна кутил по случаю дня рождения доктора Ватсона. Конечно, Гасси мог бы выбрать более подходящее время для визита, но, если твой клиент-жаворонок ни свет ни заря покинул свое теплое гнездо, ты не имеешь права ему отказывать.

– Вы правы, Дживс, – сказал я. – Делать нечего. Впустите его.

– Хорошо, сэр.

– Но прежде принесите мне этот ваш коктейль для воскрешения из мертвых.

– Хорошо, сэр.

Не успел я и глазом моргнуть, как Дживс вернулся с живительным бальзамом.

Кажется, я уже рассказывал о Дживсовых коктейлях для воскрешения из мертвых и об их влиянии на несчастного, чья жизнь в похмельное утро висит на волоске. Не берусь сказать, из чего состоит это чудотворное зелье. Некий спиртной напиток, говорит Дживс, в него добавляется сырой яичный желток и чуть-чуть кайенского перца, однако, сдастся мне, все не так просто. Как бы то ни было, стоит проглотить этот напиток, и вы немедленно ощутите его чудотворное действие.

Возможно, в первую долю секунды вы ничего не почувствуете. Все ваше естество будто замрет, затаит дыхание. Потом внезапно раздастся трубный глас, и вы понимаете, что настал судный день со всеми вытекающими отсюда страстями. В каждой косточке вашего тела вспыхивает пожар. Чрево наполняется расплавленной лавой. Шквальный ветер сотрясает окружающую среду, и нечто вроде парового молота колотит вас по затылку. В ушах оглушительно бьют колокола, глаза вылетают из орбит, лоб покрывается испариной. Вы осознаете, что пора позвонить юристу и отдать ему последние распоряжения, и тут вдруг наступает просветление. Стихает ураганный ветер. Смолкает колокольный звон в ушах. Птички щебечут. Играют духовые оркестры. Над горизонтом вскакивает солнце. И воцаряется великий покой.

Осушив стакан, я почувствовал, что во мне распускается бутон новой жизни. Знаете, хотя Дживс частенько попадает пальцем в небо, когда речь идет, скажем, об одежде или о сердечных делах, но за словом в карман он не полезет. Однажды, например, здорово сказанул об одном несчастном, который, ступив на прежнего себя, вознесся в высшие пределы. Точь-в-точь как я сейчас. Бертрам Вустер, который лежал, бессильно откинувшись на подушки, стал сейчас не только более здоровым и сильным, но и более совершенным.

– Благодарю вас, Дживс, – сказал я.

– Не за что, сэр.

– Ваше снадобье действует безотказно. Теперь я готов шелкать как орешки любые задачи, которые ставит перед нами жизнь.

– Рад это слышать, сэр.

– И почему я не принял ваше снадобье перед разговором с тетей Далией! Непростительная глупость. Впрочем, после драки кулаками не машут. Скажите мне, что там с Гасси? Как прошел бал-маскарад?

– Он не был на балу, сэр.

Я неодобрительно посмотрел на Дживса.

– Дживс, – сказал я, – не стану скрывать, после вашего коктейля для воскрешения из мертвых мне стало значительно лучше, но не настолько, чтобы я мог выслушивать вздор, который вы тут несете. Мы запихнули Гасси в такси и отправили напрямиком на костюмированный бал. Значит, он туда прибыл.

– Нет, сэр. Насколько я понял из рассказа мистера Финк-Ноттла, он думал, что увеселительное мероприятие, на которое его пригласили, состоится по адресу Саффолк-сквер, 17, между тем как на самом деле мистеру Финк-Ноттлу надлежало прибыть на Норфолк-террас, 71. Подобные аберрации памяти весьма характерны для тех, кого, как и мистера Финк-Ноттла, можно назвать мечтателями.

– А также олухами царя небесного.

– Да, сэр.

– Ну а потом?

– Прибыв по адресу Саффолк-сквер, 17, мистер Финк-Ноттл хотел достать деньги, чтобы заплатить шоферу.

– Что же ему помешало?

– То обстоятельство, что денег у него при себе не оказалось, сэр. Он понял, что оставил и бумажник, и пригласительный билет на каминной полке в спальне, в доме своего дядюшки, где он обычно останавливается, когда приезжает в Лондон. Мистер Финк-Ноттл позвонил в дверь, а когда появился дворецкий, объяснил ему, что приглашен на бал, и попросил заплатить шоферу. Дворецкий заявил, что ни о каком бале не знает и что в доме никого не ждут.

– И отказался раскошелиться?

– Да, сэр.

– Ну а дальше?

– Мистер Финк-Ноттл велел шоферу отвезти его обратно в дом дяди.

– Как, разве на этом его злоключения не кончились? Осталось только взять кошелек, пригласительный билет и спокойно ехать на бал-маскарад.

– Я забыл упомянуть, сэр, что мистер Финк-Ноттл также оставил на каминной полке в спальне и ключ от парадной двери.

– Мог бы позвонить.

– Он и звонил, сэр, целых пятнадцать минут. А потом вспомнил, что разрешил сторожу – в доме в это время никто не живет и вся прислуга в отпуске – съездить в Портсмут навестить сына-матроса.

– Ну и ну, Дживс!

– Да, сэр.

– Ох уж эти мечтатели, верно, Дживс?

– Да, сэр.

– Ну а дальше?

– Тут мистер Финк-Ноттл понял, что попал в затруднительное положение. Показания на счетчике такси достигли довольно значительной суммы, а расплатиться мистеру Финк-Ноттлу было нечем.

– Он мог все объяснить шоферу.

– Объяснять что-либо шоферу такси бесполезно, сэр. Когда мистер Финк-Ноттл попытался это сделать, шофер усомнился в его честных намерениях.

– Я бы просто удрал.

– Именно такой образ действий показался мистеру Финк-Ноттлу наиболее предпочтительным. Он ринулся прочь, но таксист успел схватить его за полу. Мистеру Финк-Ноттлу удалось сбросить с себя плащ. Вид мистера Финк-Ноттла в маскарадном костюме вызвал у таксиста шок. Мистер Финк-Ноттл услышал, по его словам, у себя за спиной что-то вроде предсмертного хрипа, оглянулся и увидел, что парень закрыл лицо руками и привалился к ограде. Мистер Финк-Ноттл решил, что он молится. Чего же еще от него ждать, сэр. Необразованный, суеверный малый. Возможно, пьяница.

– Даже если он не был пьяницей, то, уверен, теперь станет. Наверное, едва дождался, когда откроются пивные.

– Возможно, ему действительно требовалось средство, чтобы привести себя в чувство, сэр.

– Думаю, Гасси оно бы тоже не помешало. Что еще, черт побери, с ним стряслось? Лондон ночью – впрочем, и днем тоже – не то место, где можно разгуливать в красном трико.

– Да, сэр.

– Вас не поймут.

– Да, сэр.

– Представляю, как бедняга крался переулками, прятался во дворах, шмыгал за мусорные ящики.

– Из рассказа мистера Финк-Ноттла, сэр, я понял, что так все и было. В конце концов на исходе этой мучительной ночи ему удалось достичь особняка мистера Сипперли, где его приютили и где он смог переодеться.

Я поудобнее устроился в подушках, чело у меня было слегка нахмурено. Облагодетельствовать старого школьного друга – занятие весьма похвальное, однако я понял, что зря взялся устраивать дела такого придурка, как Гасси. Он способен погубить на корню все благие начинания, а я взваливаю на свои плечи непомерную ношу. Гасси нужны не столько советы бывшего светского льва, сколько обитая войлоком палата в психушке и парочка дюжих надзирателей, чтобы он не устроил там пожар.

Честно говоря, у меня мелькнула мысль выйти из игры и снова передать дело Дживсу. Но фамильная гордость Вустеров удержала меня от этого шага. Мы, Вустеры, не вкладываем меч в ножны, даже если идем за плугом. Кроме того, после инцидента с пиджаком всякое проявление слабости с моей стороны будет иметь роковые последствия.

– Надеюсь, Дживс, вы отдаете себе отчет, что сами кругом виноваты? – холодно проговорил я, ибо подобные поступки нельзя спускать с рук, хотя, честно сказать, терпеть не могу сыпать соль на раны.

– Сэр?

– Что толку твердить «сэр»? Вы прекрасно все понимаете. Если бы вы не заставили Гасси идти на бал – вот уж дурацкая затея, я с самого начала говорил, – ничего бы не случилось.

– Да, сэр, я должен признаться, что не мог предвидеть...

– Всегда и все следует предвидеть, Дживс, – строго сказал я. – Другого не дано. Если бы вы хоть не возражали против костюма Пьеро, события не приняли бы такого печального оборота. В костюме Пьеро имеются карманы. Однако, – продолжал я менее суровым тоном, – что было, то прошло. Теперь вы представляете, во что выливаются прогулки по Лондону в красном трико, и это уже неплохо. Так вы говорите, Гасси в гостинной?

– Да, сэр.

– Немедленно подайте его сюда. Посмотрим, чем ему можно помочь.

Глава 6

Облик Гасси все еще хранил следы злоключений, которые ему пришлось претерпеть. Лицо бледное, глаза воспаленные, уши поникли, вид такой, будто его сунули в печь огненную, а потом подвергли машинной обработке. Я приподнялся на подушках и испытующе на него посмотрел. Недотепе необходимо оказать первую помощь, это ясно, и я приготовился вплотную заняться его делами.

- Привет, Гасси.
- Здравствуй, Берти.
- Салют!
- Салют!

Обмен любезностями закончился, и я понял, что пора осторожно коснуться больного места.

- Слышал, тебе здорово не повезло.
- Да.
- И все по вине Дживса.
- Дживс не виноват.
- Еще как виноват.
- Не понимаю, при чем здесь Дживс. Я забыл деньги и ключ от парадной двери...

– А теперь, сделай милость, забудь и о Дживсе. Тебе, я думаю, интересно будет узнать, – сказал я, сочтя, что лучше сразу ввести его в курс дела, – что Дживс больше не будет заниматься твоими проблемами.

Эта весть поразила Гасси. Он разинул рот, уши у него совсем опали. Он стал похож на дохлую рыбину. Не просто дохлую, а давно протухшую, ее еще в прошлом году выбросило на пустынный берег, а там ветры, дожди...

- Как?!
- Так.
- В смысле, Дживс больше не собирается...
- Не собирается.
- Но черт подери...

Я был доброжелателен, но тверд.

– Прекрасно обойдешься без него. Дживсу надо отдохнуть. Разве ужасный опыт нынешней ночи не убедил тебя в этом? Даже самый острый ум порой дает сбой. Вот и с Дживсом случилось нечто подобное. Я еще раньше заметил, что он сдает. Теряет форму. Ему следует заново отточить свой интеллект. Понимаю, для тебя это удар. Ведь ты сюда пришел, чтобы посоветоваться с Дживсом, так?

- Конечно.
- О чем?

– Понимаешь, Мадлен уехала в поместье к своим друзьям, и я хотел спросить Дживса, что мне теперь делать.

– Послушай, я ведь тебе уже сказал – Дживс отстранен от дела.

– Но, Берти, черт побери...

– С этой минуты Дживс здесь ни при чем, – сказал я довольно резко. – Я беру все в свои руки.

– Берти, ради Бога! Ну какой от тебя прок?

Я подавил чувство обиды. Мы, Вустеры, великодушны. Мы готовы сделать скидку тем, кто всю ночь разгуливал по Лондону в обтягивающем красном трико.

– Посмотрим, – спокойно парировал я. – Садись и давай все обсудим. Твое дело, должен сказать, яйца выеденного не стоит. Значит, барышня отправилась в поместье к своим друзьям. Совершенно очевидно, что ты должен последовать за ней и пчелкой роиться вокруг своей избранницы. Просто, как дважды два.

– Не могу я навязывать свое общество совершенно посторонним людям.

– Разве ты с ними не знаком?

– Конечно, нет.

Я поджал губы. Дело несколько осложнялось.

– Знаю только, что их фамилия Траверс, а поместье называется Бринкли-Корт, это где-то в Вустершире.

Лоб у меня сразу разгладился.

– Гасси, – начал я, отечески улыбаясь, – благослови тот день, когда Бертрам Вустер занялся твоими проблемами. Я с самого начала знал, что мне это раз плюнуть. Ты сегодня же отправись в Бринкли-Корт в качестве почетного гостя.

Бедняга затрясся, как малиновое желе. Ничего удивительного – когда новичок впервые видит, как Бертрам Вустер властной рукой берет быка за рога, он должен испытывать трепет.

– Берти, неужели ты знаком с этими самыми Траверсами?

– Эти самые Траверсы – моя тетушка Далия и мой дядюшка Том.

– Вот это да!

– Теперь, надеюсь, ты понял, как тебе повезло, что я занимаюсь твоими делами? – веско сказал я. – Ты обратился к Дживсу, и что из этого вышло? Он уговорил тебя вырядиться в красное трико, наклеить гнуснейшую бороденку и отправиться на бал-маскарад. Результат – муки смертные и никакого продвижения к цели. Но тут я беру все в свои руки и вывожу тебя на верную дорогу. Мог ли Дживс отправить тебя в Бринкли-Корт? Никогда. Тетя Далия не его тетушка, а моя. Я просто констатирую факты.

– Честное слово, Берти, не знаю, как тебя благодарить.

– Пустяки, мой друг.

– Но послушай, Берти...

– Ну что еще?

– Как мне себя вести, когда я приеду в Бринкли-Корт?

– Если бы ты бывал в Бринкли-Корте, ты бы об этом не спрашивал. В таком райском уголке все пойдет как по маслу. Уже не один век самые грандиозные любовные страсти обаяны своим зарождением именно Бринкли-Корту. Атмосфера там просто пагубная. Ты прогуливаешься с девицей по тенистым аллеям. Сидишь с ней на зеленых лужайках. Катаешь ее на лодке по озеру. Сам не заметишь, как ты...

– Ей-богу, Берти, ты прав.

– Конечно, прав. Я сам уже три раза обручался в Бринкли. Правда, без последствий, но факт налицо. И ведь когда я туда приезжал, я не помышлял об амурах. А уж делать предложение... И тем не менее стоило мне ступить на эту романтическую землю, как я устремлялся к первой попавшейся девице и шмякал сердце к ее ногам. Видно, там это в воздухе витает.

– Я тебя понял. Это как раз то, что мне нужно. Понимаешь, у меня должно быть время, чтобы собраться с духом. А в Лондоне – будь он проклят! – все несутся сломя голову, и нет никакого шанса добиться успеха.

– Точно. Ты встречаешься с девицей на бегу, в твоем распоряжении каких-нибудь пять минут, и если ты вознамерись предложить ей руку и сердце, ты должен отбарабанить весь текст с пулеметной скоростью.

– Вот именно. Лондон нагоняет на меня страх. На природе я совсем другой человек. Какое счастье, что эта Траверс оказалась твоей теткой.

– Что значит «оказалась»? Она всегда была моей теткой.

– Я хочу сказать, поразительно, что Мадлен поехала именно к твоей тетке.

– Что тут особенного? Мадлен очень дружна с моей кузиной Анджелой. В Каннах они не расставались ни на минуту.

– А, так ты познакомился с Мадлен в Каннах? Боже мой! Берти, – благоговейно проговорил бедный тритоман, – как мне хотелось бы увидеть ее там! Должно быть, в пляжном костюме она выглядит восхитительно. Ах, Берти...

– Само собой, – рассеянно проронил я. Несмотря на то что я воскрес от Дживсовой взрывной смеси глубинного действия, все же после такой убойной ночи мне было не до излишних Гасси.

Я позвонил и, когда Дживс явился, потребовал у него телеграфный бланк и карандаш. Черкнул учтивое послание тетушке Далии о том, что направляю своего друга Огастуса Финк-Ноттла, дабы он мог насладиться ее гостеприимством, и вручил листок Гасси.

– Отправь из первого же почтового отделения, – сказал я, – тетушка вернется в Бринкли, а телеграмма ее уже ждет.

Гасси ринулся вон, размахивая телеграммой, – ну прямо Джоан Кроуфорд⁶, – а я обратился к Дживсу, чтобы дать ему *precis*⁷ своих действий.

– Видите, Дживс, как все просто. Никакой изощренности.

– Да, сэр.

– Никакой зауми. Ничего вымученного и экстравагантного. Природа сама все устроит.

– Да, сэр.

– Единственно правильный подход, который следовало избрать в данном случае. Как вы думаете, Дживс, что происходит, когда двое людей противоположного пола живут нос к носу в уединенном месте?

– Вы имеете в виду процесс сближения, сэр?

– Именно, Дживс. На него-то я и делаю ставку. В нем, если хотите, весь фокус. Сейчас, как вам известно, Гасси в присутствии девицы дрожит, как желе на ветру. Спросим себя, что произойдет через неделю-другую, если они день за днем будут есть из одной кормушки? Брать за завтраком сосиски из одного блюда, отрезать ломтики от одного куска ветчины, вычерпывать почки и бекон одним половником... Ах ты, черт!

Я осекся на полуслове. На меня нашло озарение, со мной такое случается.

– Ни в коем случае, Дживс!

– Сэр?

– Вот вам пример того, как надо все предвидеть. Вы слышали, я только что упомянул сосиски, почки, бекон и ветчину?

– Да, сэр.

– Так вот, со всем этим надо покончить. Раз и навсегда. Еще чуть-чуть – и произошло бы непоправимое. Подайте мне телеграфный бланк и карандаш. Надо немедленно предупредить Гасси. Его задача – вбить барышне в голову, что он, Гасси, чахнет от любви к ней. А если он станет обжираться сосисками, ему не достичь цели.

– Да, сэр.

– Ну вот.

Взяв карандаш, я начертил на бланке следующее:

«Финк-Ноттлу
Бринкли-Корт
Маркет-Снодсбери
Вустершир

⁶ Известнейшая американская киноактриса (1908–1977).

⁷ Краткое изложение (*фр.*).

Откажись от сосисок. Избегай ветчины. Берти».

– Дживс, отправьте немедленно.

– Очень хорошо, сэр.

Я откинулся на подушки.

– Вот видите, Дживс, как я веду дела. Замечаете, какая у меня хватка? Надеюсь, теперь вы поняли, что вам не мешало бы изучить мои методы.

– Вне всякого сомнения, сэр.

– Однако и сейчас вы не в состоянии постичь всей глубины моей необычайной прозорливости. Знаете, зачем сегодня утром пожаловала к нам тетушка Далия? Объявить, что я должен вручать награды в этой дурацкой школе в Маркет-Снодсбери, она там попечительствует.

– Вот как, сэр? Боюсь, вы вряд ли сочтете подобное занятие подходящим для вас.

– Да я и не собираюсь этим заниматься. Хочу спихнуть все на Гасси.

– Сэр?

– Телеграфирую тете Далии, что не смогу приехать, и пусть она натравит на своих малолетних преступников Гасси.

– А если мистер Финк-Ноттл откажется, сэр?

– Откажется? Вы думаете, ему удастся? Представьте себе такую картину, Дживс. Место действия – гостиная в Бринкли. Гасси забивается в угол, а тетя Далия подступает к нему, издавая охотничьи кличи. Теперь скажите, Дживс, сможет он отказаться?

– Вы правы, сэр, едва ли ему это удастся. Миссис Траверс очень властная личность.

– У него нет ни малейшего шанса отвертеться. Единственный выход – тихонько улизнуть из Бринкли-Корта. Но он на это не пойдет, потому что не захочет расстаться с мисс Бассет. Нет, Гасси придется подчиниться, а я избавлюсь от теткиного поручения. Признаться, при одной мысли о нем у меня душа в пятки уходит. Выйти на кафедру и держать напутственную речь перед оравой скверных мальчишек! Нет уж, увольте. Однажды мне выпало пройти через подобное испытание. В школе для девочек, припоминаете?

– Весьма живо, сэр.

– Ну и осрамился же я!

– Вне всяких сомнений, это было не самое удачное ваше выступление, сэр.

– Знаете, Дживс, мне бы не помешал еще один коктейль для воскрешения из мертвых.

Опасность, которой я чудом избежал, вконец подорвала мои силы.

Глава 7

Должно быть, у тети Далии ушло на обратную дорогу часа три, потому что ее телеграмму я получил сразу после ленча. Видно, старушка настрочила ее под горячую руку через две минуты после того, как прочла мою депешу.

Тетушкино послание гласило:

«Советуюсь с юристом, дабы выяснить, может ли удушение племянника-идиота квалифицироваться как убийство. Если нет, то берегись. Ведешь себя – хуже некуда. Чего ради ты подсовываешь мне своих мерзких друзей? Считаешь, что Бринкли-Корт лепрозорий? Кто такой этот твой Спирт-Боттл? Целую. Траверс».

Ничего другого я поначалу и не ожидал. Ответ мой был весьма сдержан:

«Не Спирт-Боттл, а Финк-Ноттл. С наилучшими пожеланиями. Берти».

Вероятно, сразу после того, как у тетушки вырвался из души приведенный выше вопль, в Бринкли прибыл Гасси, потому что не прошло и двадцати минут, как мне принесли следующее сообщение:

«Получил шифровку за твоей подписью: «Откажись от сосисок. Избегай ветчины». Немедленно телеграфируй ключ. Финк-Ноттл».

Я ответил:

«И почек тоже. Салют. Берти».

Я делал ставку на то, что Гасси произведет на тетю Далию благоприятное впечатление, ведь он был застенчивый, безотказный малый, всегда готовый услужить, такие с первого взгляда вызывают неизменное расположение у дам того типа, к которому принадлежит моя тетушка. Очередная ее телеграмма, которая, не скрою, весьма меня порадовала, источала бальзам доброты и, бесспорно, свидетельствовала о том, что я не переоценил своей проницательности.

Привожу тетушкино послание:

«Твой протеже прибыл, и, признаюсь честно, он не такой недоумок, как можно было ожидать от твоего друга. Пучеглаз и малость косноязычен, но в целом порядочный и воспитанный юноша, а уж о тритонах знает все на свете. Прикидываю, не пустить ли его с циклом лекций для соседей. Однако какая наглость с твоей стороны! По-твоему, мой дом курортная гостиница? Когда явишься, выскажу тебе все, что думаю по этому поводу. Жду тебя тридцатого. Прихвати краги. Обнимаю. Траверс».

Я телеграфировал:

«Просмотрев свой календарь неотложных встреч, убедился, что приехать в Бринкли не смогу. Глубоко сожалею. Привет. Берти».

В тетушкином ответе зазвучали зловещие нотки:

«А, так ты, стало быть, вот как? Просмотрел, видите ли, календарь неотложных встреч? Глубоко сожалеешь? Чушь! Позволь сказать тебе, мой милый, если не приедешь, то будешь сожалеть куда сильнее. Если ты вообразил, что сумеешь уклониться от вручения призов, то сильно

заблуждаешься. К несчастью, Бринкли-Корт в ста милях от Лондона, не то запустила бы в тебя кирпичом. Целую. Траверс».

Тогда я решил испытать судьбу и поставить все на карту. Сейчас не время думать о мелочной экономии. Я отвечал, не считаясь с расходами:

«Но послушайте, черт побери! Честное слово, вы прекрасно без меня обойдетесь. Пусть Финк-Ноттл вручает призы. Он прирожденный мастер в этом деле, и заполучить его – большая честь. Будьте уверены, тридцать первого в роли ведущего торжественной процедуры Огастус Финк-Ноттл произведет настоящий фурор. Не упускайте этого редкого шанса, второго не будет. Пока-пока. Берти».

Целый час я, затаив дыхание, томился неизвестностью, и вот наконец пришла благая весть:

«Ладно уж, так и быть. Кажется, в твоих словах есть резон. Тем не менее ты жалкий предатель, малодушный размазня и червь презренный. Ангажирую Виски-Боттла. Бог с тобой, сиди в своем Лондоне. Хоть бы тебя омнибус переехал! Целую. Траверс».

Представляете, какое облегчение я испытал. С души свалился увесистый булыжник. Как будто в меня влили бочонок Дживсова зелья для воскрешения из мертвых. Я весело напевал, переодеваясь к обеду. А в «Трутнях» так разошелся, что кое-кто даже попросил меня угомониться. Потом я вернулся домой, улегся в постель и через минуту спал, как младенец. Кажется, все мои тревоги остались позади.

Поэтому вы поймете мое удивление, когда наутро я проснулся, сел в постели, чтобы прикинуть к чашке чаю, и вдруг снова обнаружил на подносе телеграмму.

Сердце у меня упало. Неужели тетушка Далия за ночь передумала? Вдруг Гасси испугался предстоящего ему испытания и удрал, спустившись под покровом ночи по водосточной трубе? Все эти мысли промелькнули в моей черепушке, пока я разрывал конверт. Прочтя текст, я даже вскрикнул от удивления.

– Сэр? – сказал Дживс, остановившись в дверях.

Я еще раз прочел послание. Да, удивился я недаром.

Сомнений быть не могло.

– Дживс, – сказал я, – представляете, что случилось?

– Нет, сэр.

– Вы ведь знаете мою кузину Анджелу?

– Да, сэр.

– А Таппи Глоссопа?

– Да, сэр.

– Ну так вот, они расторгли помолвку.

– Я очень сожалею, сэр.

– Вот телеграмма тети Далии, здесь именно об этом говорится. Не понимаю, в чем дело.

– Не могу сказать, сэр.

– Разумеется, не можете. Не будьте ослом, Дживс.

– Хорошо, сэр.

Я задумался. Известие до крайности меня взволновало.

– Стало быть, Дживс, мы должны сегодня же ехать в Бринкли. Тетушка Далия, видно, совсем выбита из колеи, и мой долг – быть подле нее. Пакуйте чемоданы и поезжайте с вещами поездом, он отходит без четверти час. У меня за ленчем деловая встреча, поэтому я приеду позже на автомобиле.

– Хорошо, сэр.

Я опять задумался.

– Дживс, не стану скрывать, я потрясен.

– Вне всяких сомнений, сэр.

– Страшно потрясен, Анджела и Таппи... Ну и ну! Казалось, они неразлейвода. Жизнь полна печали, Дживс.

– Да, сэр.

– Что поделаешь...

– Несомненно, сэр.

– Держим удар, Дживс... Приготовьте мне ванну.

– Хорошо, сэр.

В тот же день к вечеру я ехал по направлению к Бринкли в своем любимом спортивном автомобиле, без устали размышляя о случившемся. Весть о размолвке или, может быть, даже ссоре между Анджелой и Таппи чрезвычайно меня встревожила.

Понимаете, я всегда смотрел на предстоящий брак весьма одобрительно. Когда твой приятель женится на знакомой тебе барышне, ты, как правило, невольно начинаешь хмурить брови и в сомнении покусывать губы, ибо чувствуешь, что необходимо призвать его или ее или их обоих одуматься, пока не поздно.

Однако вышесказанное ни в коей мере не относилось к Таппи и Анджеле. Таппи, когда не валяет дурака, классный малый. И Анджела, само собой, классная девица. Что касается их взаимной привязанности, то два их сердца бьются как одно, точнее не скажешь.

Правда, у них случались маленькие размолвки. Однажды, например, Таппи, движимый похвальной беспристрастностью – это он так считает, лично я назвал бы это непроходимой тупостью, – заявил Анджеле, что в новой шляпке она похожа на китайского мопса. Однако ни одна любовная история не обходится без ссор, и я считал, что Таппи получил хороший урок и теперь их жизнь польется, как сладостная песнь.

И вдруг внезапный и совершенно непредвиденный разрыв дипломатических отношений.

Все то время, что Бертрам Вустер ехал в Бринкли, отборные силы его незаурядного интеллекта были направлены на решение неожиданно возникшей проблемы. Почему стороны начали военные действия – вот над чем я, не переставая, ломал себе голову. Тем временем моя нога усердно давила на акселератор – мне не терпелось поскорее увидеть тетю Далию и узнать горячие новости из первых рук. И так как вся мощь шестицилиндрового двигателя отзывалась на мои усилия, я развил приличную скорость, и еще до вечернего коктейля мы с тетушкой уединились для конфиденциальной беседы.

По-моему, тетя Далия мне обрадовалась. Она даже сама сказала, что рада меня видеть, – единственная из всего инвентарного списка моих теток, кто мог решиться скомпрометировать себя подобным признанием. Когда я навещаю моих ближайших и дражайших родственников, они обычно испытывают ужас и тоску.

– Как мило, что ты приехал, Берти, – сказала она.

– Тетушка, мое место подле вас, – отвечал я.

С первого взгляда мне стало ясно, что печальное событие не прошло для нее бесследно. Всегда сияющая, приветливая физиономия вытянулась, радушной улыбки как не бывало. Я сочувственно пожал ей руку – пусть знает, что сердце у меня кровью обливается.

– Скверно, дорогая тетенька, – сказал я. – Боюсь, настали черные дни. Вы, должно быть, совсем выбились из сил.

Она громко фыркнула. Лицо скривилось, будто она проглотила тухлую устрицу.

– Еще бы! С тех пор как вернулась из Канн, ни минуты покоя. Едва переступила порог этого треклятого дома, – сказала тетушка, – все пошло вверх дном. Сначала морока с вручением призов.

Она сделала паузу и бросила на меня выразительный взгляд.

– Я собиралась хорошенько тебя отчитать за твое поведение, – сказала тетя Далия. – У меня на душе накипело. Но раз уж ты прикатил, так и быть – прощаю. Может быть, оно и к лучшему, что ты нахально уклонился от своего прямого долга. Сдается мне, этот твой Спирт-Боттл пройдет на ура. Если на минутку выкинет из головы своих тритонов.

– Он рассказывал вам о тритонах?

– Конечно. Уставился на меня, глаза сверкают, как у Старого моряка⁸. Если бы все беды этим ограничились, куда ни шло. Меня больше всего тревожит, что скажет Том, когда рано или поздно разговор зайдет о деньгах.

– Дядя Том?

– Послушай, не называй ты его «дядя Том», придумай что-нибудь другое, – раздраженно сказала тетя Далия. – Каждый раз, как ты произносишь «дядя Том», я жду, что он обернется негром и заиграет на банджо... Ладно, пусть дядя Том, если тебе так хочется. Не сегодня-завтра мне придется ему сказать, что я просадила все деньги в баккара. Он взовьется к потолку.

– Однако время – великий целитель и, безусловно...

– Пропади оно пропадом, это время. Мне надо не позднее третьего августа получить от Тома чек на пятьсот фунтов для «Будуара элегантной дамы».

Тут я тоже встревожился. Мне, как племяннику тети Далии, был небезразличен ее изысканный еженедельник «Будуар элегантной дамы», но я и сам питал к этому журналу теплые чувства с тех пор, как написал для него статью «Что носит хорошо одетый мужчина». Какая сентиментальность, скажете вы, но нам, старым журналистам, эти чувства хорошо знакомы.

– Ваш «Будуар» на мели?

– Будет на мели, если Том не раскошелится. Пока мы не окрепнем, нам требуется помощь.

– Но ведь два года назад вы тоже были на мели.

– Были. И мы все еще нуждаемся в поддержке. Если речь идет о дамском еженедельнике, никто не может сказать, когда он станет на ноги.

– И вы считаете, вам не удастся заставить дядю... моего дядюшку тряхнуть мощной?

– Понимаешь, Берти, до сих пор я легко, не задумываясь, могла обратиться к Тому за деньгами и никогда не получала отказа, как избалованная дочка, которая играючи выманивает у снисходительного отца шоколадку. Но сейчас налоговая инспекция требует у него в дополнение к прежнему еще пятьдесят восемь фунтов один шиллинг и три пенса, и с самого моего приезда он только и говорит, как разрушительно и пагубно для империи социалистическое законодательство, да и вообще, твердит он, ничего хорошего нам ждать не приходится.

Я охотно верил тете Далии. Мой дядюшка отличается той же странностью, какую я нередко замечал за другими толстосумами. Обсчитайте его на пенс, и он завопит как резаный. Денег у него куры не клюют, но он терпеть не может раскошелиться.

– Если бы не кулинарные изыски Анатоля, не знаю, как бы Том выдержал этот удар. Слава Богу, что у нас есть Анатоль.

Я почтительно склонил голову.

– Старый добрый Анатоль! – сказал я.

– Аминь, – сказала тетя Далия.

Выражение трепетного восторга, которым мгновенно осветилось тетушкино лицо при упоминании об Анатоле, исчезло.

– Давай не будем отвлекаться от главного, – сказала она. – Я говорю об этих треклятых заботах, которые на меня свалились, едва я вернулась домой. Сначала вручение призов, затем объяснение с Томом, а в заключение эта дурацкая ссора между Анджелой и Глоссопом.

⁸ Герой баллады Сэмюэля Т. Колдриджа (1772–1834).

Я сочувственно кивнул:

– Не могу передать, как я огорчен. Ужасный удар. В чем все-таки дело?

– В акулах.

– А?

– В акулах. Точнее, в одной отдельно взятой акуле. В той самой, что напала на бедную девочку в Каннах, когда она каталась на акваплане, ты ведь помнишь?

Еще бы мне не помнить. Разве может человек, наделенный тонкими чувствами, забыть, как его кузину чуть не сожрали морские чудовища? Эта страшная история была еще слишком свежа в моей памяти.

Расскажу вкратце, что произошло. Надеюсь, вы знаете, что такое акваплан. Впереди мчится моторная лодка и тащит за собой веревку. Вы стоите на доске, держитесь за эту веревку, и лодка волочет вас за собой. Вы то и дело выпускаете веревку из рук, плюхаетесь в воду и вплавь добираетесь до доски.

Ничего глупее невозможно придумать, однако многим это занятие нравится.

Так вот, едва Анджела взгромоздилась на доску после очередного плюханья в море, как вдруг откуда ни возьмись огромная, зверского вида акула. Мчится прямо к Анджеле и на полном ходу врезается в доску. Анджела опять летит хлебать соленую воду. К счастью, ей удалось снова вскочить на доску и послать лодочнику сигнал бедствия. Он понял, что произошло, и втащил Анджелу в лодку. Думаю, вам понятно, в каком она была состоянии.

Как потом Анджела рассказывала, чудовище все время пыталось цапнуть ее за ногу, так что, когда подоспела помощь, девочка была ни жива ни мертва. Потрясенная тем, что ей пришлось испытать, она долгое время ни о чем другом не могла говорить.

– Конечно, помню, и очень живо, – сказал я. – Но разве можно из-за этого поспорить?

– Вчера Анджела рассказывала об этом Глоссопу.

– Ну и что?

– Она, бедняжка, так волновалась – глаза блестят, кулачки сжаты, как у ребенка.

– Еще бы!

– Но вместо понимания и сочувствия, на которые девочка по праву могла рассчитывать, этот болван Глоссоп, будь он проклят... Знаешь, как он себя повел? Сидел, как пень, будто она ему о погоде рассказывает, потом вынул изо рта мундштук и говорит: «По-моему, это была не акула, а бревно».

– Не может быть!

– И тем не менее. А когда Анджела дошла до того места, как чудовище выпрыгнуло из воды и чуть ее не укусило, он снова вынимает изо рта мундштук и говорит: «А-а, значит, это камбала. Совершенно безобидное существо. Наверное, ей хотелось поиграть». Представляешь?! Что бы ты сделал на месте Анджелы? Она такая гордая, такая ранимая, и это вполне естественно для добропорядочной девушки. Она ему и выложила: ты, говорит, осел, дурак, идиот и сам не знаешь, что мелешь.

Должен заметить, я вполне разделяю мнение Анджелы. Такое необыкновенное приключение выпадает только раз в жизни, и, уж если вам повезло, вы не хотите, чтобы кто-то покушался на ваши лавры. Помню, в школе нас заставляли читать «Отелло». Так там один тип, Отелло, жалуется знакомой девушке, как невыносимо ему было жить среди каннибалов. Представьте, он ей рассказывает леденящую кровь историю о вожде племени каннибалов и ожидает, само собой, что барышня, охваченная благоговейным ужасом, воскликнет: «Ой! Какая жуть! Просто кошмар!» А она вместо этого спокойненько заявляет, что все его рассказы – сплошное преувеличение и что этот самый вождь скорее всего не людоед, а известнейший в округе вегетарианец.

Да, я целиком разделял точку зрения Анджелы.

– Неужели старина Глоссоп не пошел на попятную, ведь он видел, что Анджела не в себе?

– Даже не подумал. Стал с пеной у рта доказывать, что он прав. И так слово за слово, пока оба не пришли в бешенство. В конце концов она спросила, понимает ли он, что разжиреет, как свинья, если не перестанет объедаться пирогами и не начнет делать гимнастику по утрам. Он в долгу не остался и начал поносить нынешних девиц, которые накладывают на лицо слишком много косметики, а он этого не переносит. Они продолжали в том же духе, потом раздался громкий треск, и их помолвка разлетелась на мелкие осколки. Разумеется, я этим до крайности огорчена. Слава Богу, Берти, что ты приехал.

– Я просто не мог не приехать, – растроганно отвечал я. – Чувствовал, что я вам нужен.

– Да, очень нужен.

– Понимаю, тетя Даля.

– Не ты, конечно, а Дживс, – сказала она. – Я о нем думаю с той минуты, как все случилось. Без Дживса нам не обойтись. Никто и никогда так остро не нуждался в помощи этого человека с его незаурядным умом.

Если бы я не сидел, а стоял, я бы, наверное, пошатнулся. Однако, сидя в кресле, пошатнуться трудно. Поэтому только по лицу Бертрама можно было заметить, как глубоко уязвили его эти слова.

Пока тетя Даля их не произнесла, в моей душе царили сочувствие и любовь, я был готов на все, лишь бы ей помочь. А сейчас я превратился в ледышку. Лицо у меня окаменело.

– Дживс! – просвистел я сквозь стиснутые зубы.

– Будь здоров, – сказала тетушка. Видно, она ничего не поняла.

– Я не чихнул. Я сказал: «Дживс!»

– Вот именно. Что за ум! Второго такого нет на свете. Хочу изложить ему все как есть.

По-моему, моя холодность стала еще заметнее.

– Позволю себе поспорить с вами, тетя Даля.

– Что-что?

– Поспорить с вами.

– Поспорить? Со мной?

– Вот именно. Дело в том, что Дживс безнадежен.

– Что?!

– Совершенно безнадежен. Он утратил свою былую хватку. Не далее как два дня назад я был вынужден отстранить его от дела по причине полной беспомощности. Во всяком случае, ваше утверждение, что Дживс – единственный умный человек на свете, меня возмущает. Терпеть не могу, когда сразу бросаются к нему, нет чтобы сначала посоветоваться со мной, может, я и сам сумею вам помочь.

Тетушка хотела что-то сказать, но я остановил ее властным жестом.

– Не стану отрицать, раньше я иногда считал уместным обращаться к Дживсу за советом. Возможно, и в дальнейшем я когда-нибудь прибегну к его помощи. Однако оставляю за собой право лично вникать в те проблемы, которые могут возникнуть у меня или у моих друзей, и нечего вести себя так, будто Дживс – единственный свет в окошке. Порой мне кажется, что своими успехами – бесспорно, у него случались в прошлом удачные решения – Дживс обязан скорее простому везению, чем выдающемуся уму.

– Ты с ним поссорился?

– Ничего подобного.

– Ты на него словно бы дуешься.

– Ничуть не бывало.

Однако должен признаться, в ее словах была доля правды. В тот день я испытывал к Дживсу довольно сильную неприязнь, сейчас объясню почему.

Как вы, наверное, помните, он с моим багажом выехал в Бринкли поездом, который отходит в двенадцать сорок пять, а я остался в Лондоне – у меня была назначена встреча за лен-

чем. Ну так вот, перед тем как отправиться в путь, я прошелся по квартире, и вдруг – не могу объяснить, почему мне в душу закралось подозрение, может быть, что-то в поведении Дживса меня насторожило, – таинственный голос мне шепнул: «Бертрам, загляни в платяной шкаф».

Да, мои опасения подтвердились. В шкафу висел белый клубный пиджак. Коварный малый нарочно его оставил.

Но не тут-то было! Спросите в «Трутнях», вам всякий скажет, что Бертрама Вустера не проведешь. Я упаковал пиджак в пакет из плотной бумаги, положил на заднее сиденье автомобиля, и теперь он лежал на стуле в холле. Однако факт остается фактом – Дживс попытался меня обмануть, и, уверяя тетю Далию, что не сержусь на него, я, признаться, покривил душой.

– Никаких размолвок не было, – сказал я. – Некоторое мимолетное охлаждение, не более того. Понимаете, мы с ним не сходимся во взглядах на белый клубный пиджак с золотыми пуговицами, и мне пришлось настоять на своем. Но...

– Довольно, все это не имеет значения. Ты мелешь вздор. Стало быть, по-твоему, Дживс потерял хватку? Чепуха! Я только что его видела, у него во взгляде, как всегда, светится ум. «Положись на Дживса», – сказала я себе, и не отступлю от своих слов.

– Тетя Далия, гораздо разумней было бы доверить устройство ваших дел мне.

– Ради Бога, Берти, не вмешивайся не в свое дело. Ты только все испортишь.

– Как раз напротив. Если хотите знать, по дороге сюда я серьезнейшим образом все обдумал и даже разработал план, основанный на изучении психологии личности. Предлагаю привести его в действие, и чем раньше – тем лучше.

– О Господи!

– Человеческая природа для меня открытая книга, поэтому мой план даст блестящие результаты.

– Берти! – вскричала тетя Далия в каком-то удивившем меня лихорадочном возбуждении. – Прошу тебя, уймись! Сделай милость, отступишь. Знаю я твои планы. Наверняка мечтаешь, чтобы Анджела нырнула в озеро, а Глоссоп бросился ее спасать или еще какой-нибудь вздор придумал.

– Ничуть не бывало.

– Чего еще от тебя ждать!

– Мой план гораздо изощреннее. Позвольте изложить.

– Спасибо, не стоит.

– Я сказал себе...

– Спасибо, что не мне.

– Да послушайте вы!

– Не хочу.

– Ладно. Я нем как рыба.

– Давно бы так.

Мне стало ясно, что препираться с тетушкой не имеет смысла. Пожав плечами, я безнадежно махнул рукой.

– Ну что ж, тетя Далия, – с достоинством проговорил я, – раз вы пренебрегаете собственным благом, дело ваше. Но, отказываясь выслушать мои соображения, вы лишаете себя редкого удовольствия, которое способна доставить тонкая игра изощренного ума. Можете сколько угодно прикидываться глухим аспидом из Священного Писания, который, как вы, конечно, помните, ни в какую не желал слушать заклинателя, тем не менее я намерен осуществить свой план. Анджела мне очень дорога, и я ничего не пожалею, лишь бы у нее на душе снова стало радостно.

– Берти, урод ты этакий, ради Бога, прошу тебя, уймись. Неужели ты не можешь угомониться? Ты такую кашу заваришь, что потом век не расхлебаешь.

Помнится, в каком-то историческом романе я читал об одном типе, он был аристократ, то ли английский, то ли французский. Ну так вот, когда ему бросали в лицо обидные или оскорбительные слова, он только лениво усмехался и небрежно смахивал пылинку с безупречных манжет брабантского кружева. В тот момент я поступил, как он. Поправил галстук и одарил тетушку неизъяснимой улыбкой. Потом поднялся со стула и не спеша вышел в сад.

Не успел я шагу ступить, как наткнулся на Таппи. Вид у него был хмурый, лоб бороздили морщины. Он уныло швырял камешки в цветочный горшок.

Глава 8

Уверен, я уже рассказывал вам о Таппи Глоссопе. Это он, если вы помните, однажды вечером в «Трутнях» поспорил со мной, что мне слабо перебраться через плавательный бассейн, хватаясь руками за кольца, свисающие с потолка, – детская забава при моей-то ловкости, – а когда я почти достиг цели, он, коварно предав нашу детскую дружбу, закинул последнее кольцо за перекладину и тем самым заставил меня прыгнуть в воду в одном из моих лучших фраков.

Сказать, что эта подлая выходка, которую я назвал бы преступлением века, оставила меня равнодушным, значит покривить душой. Я был страшно возмущен, оскорблен до глубины души и месяца два не мог успокоиться.

Но сами знаете, раны затягиваются, душевная боль притупляется.

Только не подумайте, что я упустил бы случай швырнуть Таппи в физиономию мокрую губку, подсунуть в постель ужа или еще как-нибудь отыграться. Подвернись мне такая возможность, я бы с восторгом ею воспользовался в любой момент, но только не теперь. Как ни уязвлен я был коварной Таппиной проделкой, мне не доставляло никакого удовольствия сознавать, что этот балда сломает себе жизнь, если расстанется с девушкой, которую, несомненно, любит без памяти, несмотря на эту глупейшую ссору.

Более того, я от души хотел положить конец их размолвке; кажется, все бы отдал, только пусть у этих двух придурков дело снова пойдет на лад. Вы, наверное, уже догадались об этом из моего разговора с тетей Далией, а если бы у вас оставались какие-то сомнения на этот счет, то полный самого искреннего сочувствия взгляд, который я сейчас послал Таппи, окончательно бы их развеял.

Итак, я бросил на него проникновенный взгляд, крепко пожал руку и дружески похлопал по плечу.

– Привет, Таппи. Как дела, старик?

Я преисполнился к нему еще большего сочувствия, ибо взгляд у него был потухший, на мое рукопожатие он ответил вяло, иными словами, увидев старого друга, он не выразил ни малейшего желания пуститься в пляс. Беднягу будто обухом по черепушке хватили. Видно, меланхолия накрыла его своим крылом, как, помнится, однажды выразился Дживс о Понго Туистлтоне, когда тот пытался бросить курить. Сказать по правде, я не удивился. В сложившихся обстоятельствах подобная хандра была, безусловно, вполне естественна.

Я отпустил его руку, прекратил дружеское похлопывание по плечу и, достав из кармана портсигар, открыл его и протянул Таппи.

Он нехотя взял сигарету.

– Приехал, Берти? – сказал он.

– Приехал.

– Проездом или останешься?

Я медлил с ответом. Можно было бы признаться, что я примчался в Бринкли-Корт с твердым намерением вновь воссоединить их с Анджелой, связать порванные узы и так далее, и тому подобное. Закуривая сигарету, я чуть было не выложил ему все начистоту. Но потом решил, что, пожалуй, не стоит. Брякнуть в открытую, что я собираюсь играть на их чувствах, как на контрабасе, было бы неразумно. Кому понравится, что на нем играют, будто он какой-нибудь контрабас?

– Пока не знаю, – сказал я. – Может, останусь, может, нет. Как получится.

Он равнодушно кивнул, дескать, останусь я или уеду – ему один черт, и уставился куда-то вдаль, поверх залитых солнцем деревьев. Надо сказать, наружностью и телосложением Таппи здорово похож на бульдога, а в данный момент он был похож на это породистое животное,

которому не дали пирожного. Для человека, столь проницательного, как Бертрам Вустер, не составляло труда догадаться, что у него сейчас на уме, поэтому меня совсем не удивило, когда он коснулся вопроса, отмеченного в повестке дня галочкой.

– Наверное, ты уже слышал про нас с Анджелой?

– Да, Таппи, я в курсе, дружище.

– Мы расстались.

– Знаю. Кажется, вы немного не сошлись во взглядах на акулу?

– Да. Я сказал, что это скорее всего была камбала.

– Наслышан.

– Кто тебе сказал?

– Тетя Далия.

– Наверное, ругала меня на чем свет стоит.

– Ничего подобного. Разве что как-то мимоходом обмолвилась: «этот чертов Глоссоп», а в остальном, по-моему, ее лексика отличалась исключительной сдержанностью, в особенности если учесть ее охотничье прошлое. Ведь в свое время она состояла в клубах «Куорн» и «Пайтчли». Однако – ты, конечно, извини меня, старина, – тебе, по мнению тетюшки, следовало выказать немного больше такта.

– Такта!

– И я склонен отчасти с ней согласиться. Скажи на милость, Таппи, ну зачем ты развенчал акулу, обозвав ее камбалой? Разве ты поступил великодушно? Эта акула дорога Анджеле, девочка в ней, можно сказать, души не чает. И вдруг человек, которому она отдала свое сердце, утверждает, что это не акула, а камбала. Какой удар для бедного создания!

Я видел, что Таппи обуревают противоречивые чувства.

– А меня ты сбрасываешь со счетов? – спросил он срывающимся от волнения голосом.

– Тебя?

– Да. Меня. Неужели не понимаешь, – проговорил Таппи, все больше распаляясь, – что не будь веских причин, я бы, конечно, не назвал эту чертову акулу камбалой, хотя она и в самом деле была камбала? Анджела, дерзкая девчонка, сама меня спровоцировала. Каких только гадостей мне не наговорила. Вот я и воспользовался случаем отыграться.

– Каких таких гадостей?

– Самых отвратительных. И все оттого, что я в разговоре мимоходом, только чтобы поддержать беседу, поинтересовался, какие блюда Анатолий приготовил к обеду. И тут она вдруг заявляет, что я только о еде и думаю и что физические потребности для меня главное. Так и лягнула – физические потребности! Черт подери, Берти, ты же знаешь, я по своей природе человек духовный.

– Бесспорный факт.

– Ну спросил я так, между прочим, что Анатолий собирается приготовить к обеду. По-моему, ничего страшного. А по-твоему?

– По-моему, тоже. Просто дань уважения великому маэстро.

– Конечно.

– И все-таки...

– Что?

– Я хочу сказать, жаль, что хрупкая ладья любви так бездарно идет ко дну, ведь достаточно всего лишь нескольких слов, чуть-чуть раскаяния...

Он вперил в меня подозрительный взгляд:

– Ты, кажется, предлагаешь, чтобы я пошел на уступки?

– Знаешь, Таппи, старина, это было бы просто замечательно и так великодушно с твоей стороны.

– И не мечтай!

– Но послушай, Таппи...

– Нет. Ни за что.

– Ведь ты ее любишь, правда?

Я наступил на большую мозоль. Он вздрогнул, губы у него задержались. Он явно испытывал нестерпимые душевные муки.

– Не буду отрицать! – пылко воскликнул он. – Я без памяти влюблен в это ничтожество. И тем не менее считаю, что ее надо хорошенько отшлепать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.